

ЗЕМНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

НАТА ЧЕРНЫШЕВА
НА КРАЮ
ЗВЕЗДОПАДА

Ната Чернышева

На краю звездопада

<https://litres.ru/74158763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я жила спокойно и безмятежно, силой своей паранормы рисуя картины. Люди хвалили мои рисунки и говорили, будто они исцеляют и иногда даже меняют судьбу.

Скромный домик, тихая гавань, безбрежный океан, звёздное небо над головой и старый дуб, реликт времени первых, заселявших когда-то эту планету. Что ещё нужно для счастья?

Но однажды на песчаном пляже, там, где берег встречается с водой, появился загадочный и странный гость.

И вся моя прежняя жизнь полетела кувырком прямо в чёрную дыру

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	52
ГЛАВА 5	70
ГЛАВА 6	83
ГЛАВА 7	96
ГЛАВА 8	112
ГЛАВА 9	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Ната Чернышева

На краю звездопада

ГЛАВА 1

В тот год стояла над Алым Берегом серебристо-синяя осень. Лето уже уходило, уступая натиску холодных бурь, но потом, как часто бывает в это время года, внезапно вернулось обратно. Солнечные лучи прогрели промытый ночными дождями воздух и поздние цветы доверчиво поднимали свои пёстрые головки к небу, ловили позднее тепло.

Океан волновался, бросая на берег пенные валы. А я ловила момент, когда можно будет росчерком кисти отбросить на деревянный холст контур нового окна в Вечность.

Картина всегда создаётся настроением. Нет настроения – нет рисунка. Мама, правда, считает иначе. Но она – не знающий промаха стальной клинок. Ей не понять.

Ветердохнул в лицо морским холодом с запахом соли, йода и хвои. Всё правильно. Осень...

Я пошла вдоль парапета. Что-то дёргало меня, саднило занозой в сознании, не давало сосредоточиться на будущей картине. Прежняя безмятежность мира нарушилась, а как, почему, зачем, я не понимала и не умела понять.

В таком состоянии в принципе ничего и никогда не нари-

суешь.

Я спустилась по узкой лестнице на пляж. Песок и редкие валуны в половину человеческого роста, в тени огромной гранитной скалы, почти отвесной, с небольшим отрицательным уклоном. Сейчас солнце освещало гладкую, будто срезанную лазером, каменную стену, серую в ржавых подтёках, и можно было рассмотреть каждую трещинку, каждый кустик, зацепившийся за жизнь в таком неприветливом месте.

По осени здесь всегда алели зоряники, крохотные колокольчики на длинных ножках. Красиво: мрачный, почти чёрный, гранит и яркий цветок... А на песке, аккуратно у подножия горы, кто-то лежал. Причём никаких следов разбитой лодки, вынесенной на пляж сильным течением или вчерашней непогодой!

Я удивилась. Я удивилась так сильно, что забыла испугаться. Наше домовладение окружено защитным барьером, пройти сквозь него обычному туристу невозможно. Значит, гость не обычный. То есть, опасный, раз умеет преодолевать силовые поля. Но об опасности я не подумала.

Я схватилась за запястье, – ах, чёрные воробушки, опять коммуникатор дома оставила! Подбежала ближе, скорую-то я вызову обязательно, но, может быть, хватит для начала обычной помощи? Я умею, нас всех учили и ещё каждый год гоняют на подтверждение квалификации, и попробуй откажись. Может, странный гость ещё жив и ранен не смертельно? Раз уж он умеет преодолевать силовые барьеры, то, мо-

жет быть, умеет и с высоченных скал падать без фатальных для здоровья последствий...

А он ещё оказался не человеком. Слишком маленький, хрупкий, в небесно-синем шёлковом плаще. Когда моя тень упала ему на лицо, он раскрыл глаза. И сердце у меня ухнуло в пятки: живой! А глаза – бездонные озёра, тёмно-синие, как небо на закате. Чёрные загнутые ресницы и такие же чёрные, мелкими завитками-пружинками, волосы удивительного бархатно-звёздного цвета: в черноте таились синие, в тон глазам, просверки.

– Вы живы? – спросила я на эсперанто.

В Федерации эсперанто – государственный язык, его учат все, наравне с родным. Если кто-то приезжает в наше пространство туристом, то он тоже учит эсперанто. Ну, или хотя бы пользуется услугами *komuna lingvo*, общедоступной нейросети-переводчика... Если не догадался установить на личный терминал какую-то свою.

– Да, – ответил он. – Я удивлён. Но я жив.

Голос у него оказался высокий, птичий, но приятный.

– Вам нужна помощь? – я протянула ему ладонь.

Он принял мою руку. Его пальцы оказались неожиданно горячими и жёсткими, в них жила нечеловеческая сила, чужой огонь, чем-то неуловимо схожий с моим.

Ах, да, я забыла, я – паранормал, пирокинетик. Только мой индекс Гаманина таков, что ни в армию, ни в медицину: всего двадцать два, тот ещё позор. Забыть и не вспоминать.

– Как же вы здесь оказались? – спросила я. – Наши владения защищены барьером.

– Ах, вот что это было, – понимающе кивнул он, совсем как человек. – Барьер! Да, без барьера я бы разбился насмерть.

При этом он почему-то посмотрел в небо. Я тоже подняла голову. Высоко, в пронзительной сини, плыли ажурные когтеобразные перистые облака, признак перемены погоды. То есть, ушедшая ночью на материк буря к следующему утру сменится новой. Ну, что тут поделаешь. Осень...

– Вы точно не расшиблись? Может, всё-таки вызвать врача? – спросила я, и вдруг заметила, что у незнакомца по две коленки на тонких, хотя и вполне пропорциональных ногах. Брюки, слегка расклешённые книзу, подчёркивали эту расовую особенность специальным кроем.

– Не надо врача, – вздохнул он. – Со мной всё в порядке. Но если вы угостите меня такой маленькой чашечкой, – показал пальцами, какой именно, – горячего кофе...

Ага, успел уже побыть в нашем мире достаточно дней, чтобы распробовать вкус нашего кофе, лучшего в Галактике.

– Пойдёмте со мной, – сказала я. – Конечно, угощу! Меня зовут Десима, можете звать просто Дес.

– Сае, – назвалса он, улыбаясь.

Улыбка вышла потрясающая: от неё в синих глазах нового знакомого будто зажглись тёплые солнечные блики. Как рябь под солнцем на поверхности лесного озера... Мне тут же за-

хотелось нарисовать портрет неожиданного гостя, но я сдержалась. Успею! Сейчас главное повнимательнее рассмотреть его. Чтобы не упустить ни единой детали.

Заваривать кофе – особая наука, практически священнодействие. Тот, что готовят для туристов – у вас на глазах, только для вас, только сейчас! – не идёт ни в какое сравнение с тем, который приготовят своими руками и только для тебя, как дорогого гостя и друга.

Я бы не назвала сейчас Сае другом, в конце концов, я видела его впервые в жизни. Но мне понравилась его улыбка, а ещё азартно манила его тайна: как он всё-таки оказался на нашем пляже, закрытом от посторонних непроницаемым барьером. Почему-то я подумала, что он расскажет, не станет таиться. С такой улыбкой невозможно ни врать, ни умалчивать что-либо.

Надо хорошо понимать, что такое наш защитный барьер. Большую часть времени он неактивен и никак не мешает ветру трепать деревья или дождю проливаться на клумбы. Только при красном, последнем, уровне погодной опасности он может сработать автоматически, через директиву службы погодного контроля. Но это и понятно, почему: жизнь дороже любви острых ощущений от разбушевавшейся стихии.

А вот что-либо крупнее местной вродекошки барьер уже не пропустит никогда, если я не внесу исключение. После того, как планету открыли для галактического туризма, в нашем Алополянске стало шумно и многолюдно: парусные ре-

гаты проводились здесь и раньше, но теперь они вышли на федеральный уровень. Зрители, участники и прочие любители парусного спорта съезжались чуть ли не со всей Галактики. А потом принимались бродить по окрестностям, неизбежно натываясь на наши владения. Проблемы с чужими нам были ни к чему, бросать родовое гнездо и уезжать в другое место потише мы не захотели. Барьер оказался отличной штукой.

Видишь, любишься с расстояния и – мимо идёшь.

Сбоев системы за всю свою жизнь я не могу припомнить ни одного. А вот этого Сае барьер почему-то пропустил...

Но это я отвлеклась.

Приготовление кофе не терпит суеты и посторонних мыслей. Сначала необходимо перемолоть зёрна. Небольшая ручная мельница помнила ещё руки прадеда, когда-то выстроившего этот дом. Если хотите сварить хороший, по-настоящему хороший кофе, я хочу сказать, никогда не пользуйтесь электрическими кофемолками! Они подпаливают зерно, у готового кофе появляется тогда неприятный пережаренный привкус. Туристы пьют и не морщатся, но что может знать среднестатистический турист из Простора о настоящем, правильно приготовленном кофе?

Крупинка соли. Синий сахар из сиропа аркадийского клёна, нарочно адпатированного под условия умеренных областей нашей планеты сотни лет назад. Чистая родниковая вода.

Главное правило – не дать напитку закипеть, иначе плотная корочка пенки разрушится и получившуюся бурду можно смело сливать в канализацию, её, простите, пить невозможно.

Сае смотрел с любопытством, но не спрашивал ничего. Может, думал, что под руку готовящему лучше не лезть. И правильно думал, кстати. Не люблю, когда отвлекают от дела! Легко ошибиться, или рука дрогнет, и всё пропало.

Мама говорит, что я слишком серьёзна там, где не помещала бы толика легкомысленности. Ей бы на себя в зеркало посмотреть. Но я никогда не скажу ей ничего подобного. Мама это мама. Родителей мы не выбираем, когда нас выдёргивает из небытия на этот свет.

Каплю бальзама в готовый напиток. Всё. Можно пить.

Сае бережно принял чашечку, долго держал её в ладонях, вдыхая ароматные запахи. Я подумала, что он, наверное, воспринимает больше запахов, чем человек. Хотя лицо вполне себе антропоморфное, как и фигура. Голова, две руки, две ноги... всё в пропорции. Я обязательно нарисую его, когда он уйдёт. Холст сохранит память о необычном госте надолго.

– Великолепный кофе, – сказал он, смакуя глоток. – Такого я ещё не пробовал...

Ещё бы. Такого в туристической зоне не приготовят!

– Если вам нужно привести себя в порядок, можете воспользоваться санитарной зоной, – предложила я. – Я покажу.

Его синий плащик выглядел бархатистым и шёлковым, словно только что прибыл из пошивочной фабрики. Может, какая-то особенная ткань, которую не встретишь на нашем шарике и вообще в пространстве Федерации.

– Вы живёте одна, Дес? – спросил вдруг Сае. – О, не поймите меня неправильно, но я побывал во многих человеческих мирах. И в некоторых из них общество, мягко говоря, не очень благосклонно смотрит на одинокую девушку, принимающую в своём доме незнакомого мужчину... Я не хотел бы доставлять вам неприятности.

– Не беспокойтесь, – улыбнулась я. – Это – Аркадия, один из самых благоустроенных миров в Федерации. Здесь не такие строгие нравы, как в мирах фронта.

Я подумала, что, в общем, ничего не имею против межрасовых отношений по любви и взаимному согласию, но сама бы ни за что. Сае – милый, симпатичный, очень интересный, да чего там, красивый, но представить себе, что я смогу поцеловаться с ним, не говоря уже обо всём остальном, что следует дальше поцелуя, как-то не получалось.

Впрочем, у меня даже с человеческими парнями не получалось. В прошлом году мама вытащила посмотреть на регату, там пытались со мной знакомиться. Отличные парни и молодые мужчины, замечательные, славные. Но за руку возьмёт кто-нибудь из них – и будто жабу за ворот кинули. Помню, я заподозрила маму в желании сплавить меня замуж, как в старые добрые времена, и очень сильно возмутилась этим

фактом. Мы тогда с нею впервые очень сильно поссорились, как сейчас помню.

Сама-то она в отношения не рвётся! А меня пристроить захотела. С чего бы вдруг?

Мама у меня хорошая. Просто иногда не понимает меня совсем.

– Вы допили? – поинтересовалась я, Сае совсем по-человечески кивнул, и тогда я сказала: – Переверните чашечку над блюдцем.

– Зачем?

– Кофейной гуще дано предвидение, – объяснила я. – Можно попытаться угадать, что грядущее готовит в ближайшие дни. А иногда, говорят, можно даже провидеть судьбу.

– Как интересно, – выговорил Сае, восприняв информацию чересчур серьёзно. – О таком я ещё не слышал! Но разве гадания в наш технологический век имеют силу?

– Кофейные – ещё как, – заверила я. – Переворачивайте смело!

Сае медленно перевернул чашечку. Потом поднял её.

– И что теперь, Дес?

– Надо смотреть, – сказала я.

Тёмно-коричневая густая жижа растекалась неравномерно. Увидеть что-либо в её потёках не каждый может. Магия, паранорма, вера, кто объяснит, что станет спусковым крючком для волшебства?

– Что хотите, не найдёте, – сказала я. – Что не желаете, то

потеряете. Дороги, дороги, дороги... звёздная пыль на сапогах... вы были солдатом удачи когда-то, Сае. Вот, на блюде, эта дорога за вашей спиной, там всё было ясно и чётко, но – было. Прошло. Впереди новые бури и новые дороги. А сейчас... Ни прошлого. Ни будущего. Как будто вы – большой шар на вершине холма и в какую сторону вас качнёт, не знает даже небо. Вы...

– Хватит, – неожиданно резко сказал он, отбирая у меня чашечку. – Хватит, Дес!

– Простите, – виновато сказала я. – Я забылась...

Он очень внимательно смотрел на меня. Хмуро, исподлобья, чуть настороженно, возле губ появились резкие складочки. Как будто мои слова что-то задели в нём, растревожили какую-то рану.

– Моя паранорма слишком слабенькая, – призналась я. – Она не годится на что-то серьёзное. Не берите в голову. Это – всего лишь кофейная гуща, выплеснуть и вымыть посуду... а в гадания верит только тот, кто хочет в них верить. Игры разума, детская забава, деревенские развлечения. Вам это каждый аркадиец подтвердит. Если вас задело, приношу извинения.

Сае вдруг коснулся кончиками пальцев моей руки. Я вздрогнула, ожидая, что за ворот снова бросится жаба, как это бывало всегда, но ничего подобного не случилось. Лёгкое, невесомое касание, как будто кусочек летнего неба мягкой шёлковой ленточкой скользнул по коже.

– Всё хорошо, Дес, – мягко сказал он. – Спасибо за отличный кофе. Пожалуй, я пойду. Я и так отнял у вас слишком много внимания.

– Но вы вернётесь? – спросила я.

– А вы хотите, чтобы я пришёл ещё раз? – иронично спросил он.

– Я внесу вас в список, – предложила я. – Можете приходить, когда вам захочется. На чашечку кофе. Барьер будет пропускать вас всегда.

– Странное доверие к тому, в ком вы разглядели солдата удачи, – помолчав, ответил Сае. – Разве что вам не знакомо значение этих слов. Кого они характеризуют на самом деле.

– Это ваше прошлое, – пожала я плечами. – Оно никак не связано с будущим, если помните. Блюдец и чашечка – разные миры.

– Гадания на кофейной гуще – деревенские развлечения, – усмехнувшись, напомнил он. – Вы ведь сами об этом ска-зали, Дес.

– А вы скажите, что я не права, – предложила я, возвращая ему усмешку.

Глаза в глаза, и воздух зазвенел от напряжения. Мне понравилось это чувство. Звонкое, грозное и – настоящее. Хотя, может быть, отсутствие жабы за воротом тоже сыграло.

– Возвращайтесь, Сае, – мирно сказала я. – Когда пожелаете. Чашечка кофе для вас у меня найдётся всегда.

Он приложил руку к сердцу и слегка поклонился. Потом

ушёл. Я долго провожала его взглядом. Мне понравилось, как он шёл, упруго и чётко. Видно было, что пешие переходы для него не пустой звук.

Я ушла с веранды на верхнюю террасу. Там меня ждали холсты и краски с кистями. И то, руки уже горели предвкушением любимого дела.

Я выбрала большую деревянную доску из заготовленной заранее стопки. Установила её. Задумалась.

Сае стоял перед глазами так, будто находился напротив меня прямо сейчас. Вот он принимает из моих рук чашечку ароматного кофе. Вот пьёт. Переворачивает вверх дном над блюдцем...

Сначала – эскиз. Карандашом по гладкой поверхности. Рука идёт сама, в потоке памяти.

Тёмно-коричневая, почти чёрная гуща, чашечка, лежащая на боку, горьковато-карамельный запах мешается с собственным запахом гостя. Росчерк падающей звезды, космическая пыль. Я знаю, каково на вкус жёсткое излучение нашей звезды, был случай убедиться в детстве. Спасла паранорма. Слабенькая, ни на что серьёзное не годная, но спасла. Натуральнорождённый ребёнок бы не выжил, а я смогла. Так вот, впечатление от Сае оказалось странно похожим на вкус той, давней, катастрофы и прикосновение нашего светила.

Может, это уставшая звезда пришла погреться немного у моего огня?

Фантазии, фантазии. Дес, вернись в реальность. Где-то в

Галактики живут соплеменники Сае, целая раса, и если я о них ничего не слышала, то вовсе не значит, что их нет.

Хотя, возможно, он генномодифицированный и потому единственный в своём роде. Вот ему, должно быть, одиноко по жизни!

Жалость? Я прислушалась к себе. Нет.

Наконец-то в моей жизни появился вопрос, на который я не знала ответа.

Кто ты, таинственный гость с синими глазами и коротким звучным именем Сае?

Эскиз смотрел на меня с холста знакомым взглядом.

Кажется, я знала этот взгляд всю свою жизнь.

Солнце нырнуло под горизонт, и облака подожгло снизу золотисто-багровым муаром. Поднимался ветер, холодало с каждой минутой. Да, новый шторм шёл на Алый Берег, он ударит ближе к утру. Не забыть внести коррективы в систему управления домом. Чтобы барьер не прозевал особо свирепые порывы бури.

В океан высыпали парусники. Им сейчас хорошо, паруса любят сильный ветер. В детстве я когда-то ходила в яхт-клуб, мне даже нравилось. Но суета и нервы спортивных соревнований не вызывали ни восторгов ни желания вливаться в спортивное движение, и потому увлечение умерло, не пе-

переродившись в нечто большее. Но по старой памяти я иногда приходила на открытие регаты, делала зарисовки. Потом приносила на выставку свои работы, народу нравилось, что-то даже покупали.

Мама говорила, я в землю зарываю свой талант. Выставки, мол, надо бы проводить чаще. Общаться. Себя показывать, на других смотреть... Мне двух-то раз в год – на парусный сезон и зимние праздники – хватало с головой, куда уже чаще! Себя показывать я не рвалась, а на других смотреть можно и на видеоэкране.

На экране даже интереснее. Можно остановить изображение и детально рассмотреть. А вживую кто же позволит тебе это с собой проделать...

Я вернулась от набережной к дому и удивилась: меня ждали, укрывшись от холодного ветра на веранде. Сначала я подумала, что это мама, не зря я о ней в последнее время вспоминаю. Хотя вряд ли, она на службе за пределами планеты, со службы просто так домой не налетаешься, и следующий её приезд придётся на середину осени, ближе к зиме. А потом я узнала гостя, и остро пожалела, что это не Сае.

Оказывается, я подсознательно ожидала, что Сае придёт к вечеру. Не пришёл. Зато явился наш семейный доктор, Элмер Дженкинс, телепат первого ранга. Он один из тех, кого барьер пропускает без звука, что поделаешь. Ничего плохого против доктора я не имею, он хороший человек, по-настоящему хороший...

Но как же не вовремя!

– Мне кажется, ты не хочешь меня видеть, Десима, – мягко сказал он, внимательно меня разглядывая, как в детстве, когда я расшибала коленку или цепляла сезонный вирус. – Если хочешь, я могу уйти...

– Нет, что вы, дядя Эл, оставайтесь, раз уж пришли, – сказала я. – Кофе?

– Не откажусь.

Кофе у нас на Аркадии – неизменный ритуал гостеприимства; кофе, сигары и хороший коньяк из Солнцедола. Но, поскольку я девушка, а доктор Дженкинс старше меня раза так в три, остаётся только кофе.

Я добавила пару ломтиков имбиря и треть чайной ложечки корицы, всё, как Дженкинс любит. Дымный сладковатый коричный запах поплыл в воздухе, мешаясь с солёными запахами океана.

– Лучший кофе всегда у тебя, Десима, – похвалил меня Дженкинс.

Я знала его чуть ли не с рождения. Для меня он всегда был не только врачом, профессионалом при исполнении, но – почти родственником и неизменным символом Дома, моей личной крепости, если хотите.

Иногда я жалела, что не могла назвать Элмера Дженкинса отцом. Он, всё понимал, на первом-то ранге ты в любом случае видишь людей насквозь, не зависимо от того, хочешь того или нет, но не давал повода. Такая холодноватая отстра-

нённость, недостаточная для того, чтобы отодвинуть на другую сторону улицы, но и последнюю черту переходить не дававшая.

Нет у меня отца. Мой эмбрион собирали под микроскопом. А у мамы если и был мужчина на её службе, то со мной его знакомить она даже не пыталась. Может, к лучшему. Я не представляла себе чужих в нашем доме. Я бы, наверное, этого не перенесла.

Хотя Сае, к примеру, вполне себе вписался. Сидел как раз на месте доктора Дженкинса, держал в тонких пальцах кофейную чашечку, и ничего. Даже прикасался ко мне, и никакой жабы за воротом...

Может, потому, что Сае не был человеком?

– Ничего не хочешь мне рассказать, Дес? – мягко спросил доктор Эл.

– А должна? – осторожно спросила я.

– Ты выглядишь рассеянной.

– Ваши штучки телепатические, – недовольно сказала я. – Знаете же, как не люблю!

– Знаю! – посмеялся он. – И потому упаковался в плотный ментальный кокон заранее. Десима, ты бьёшь эмоциями по площадям, даже не думая хоть как-то их контролировать, а потом обижаешься, что кто-то твои чувства воспринимает телепатически. Или уж бери себя в руки или не жалуйся.

– Простите, – сказала я. – Не хотела вас обидеть.

Телепаты очень щепетильны насчёт соблюдения прав ли-

шённых их паранормы. Это действительно серьёзное оскорбление, когда ты подозреваешь перворангового в том, что он читает тебя без твоего согласия. Они не могут, им запрещено под страхом полной блокировки паранормы, что для многих из них хуже смертной казни. Ни один в здравом уме не решится на такое преступление, а сумасшедших собратьев они сами выявляют задолго до того, как те успевают причинить кому-то вред.

– Я хорошо знаю тебя, дитя, и понимаю, что ты не нарочно, – поднял Дженкинс ладони. – Но твои трудности в общении в том числе связаны и с этим. С эмоциональной несдержанностью.

– Я не хочу ни с кем общаться, док, – сказала я. – Мне хорошо и так.

– Допустим, – мирно сказал он. – Но что ты будешь делать, когда влюбишься?

– Ничего, дядя Эл, – спокойно ответила я. – Ничего не буду делать. Я не влюблюсь.

– Довольно самонадеянное заявление, – заметил Дженкинс. – Мне бы такую уверенность...

– Но вы же...

– Старый?

– Женатый! – выпалила я.

Возраст любви не помеха, кто бы спорил. Сколько на эту тему создано музыкальных, видео и текстовых художественных произведений, давно вошедших в Фонд золотого куль-

турного наследия Человечества! Но брак, да ещё по старым аркадийским традициями, – это в моём понимании было непоколебимее гранитной скалы. И вот состоящий в таком браке человек заявляет, что может влюбиться. Небо, рухни на землю!

А если вдуматься, то хозяйку Дженкинс, тётю Алину, я, наверное, года два уже как не видела... Она – ландшафтный дизайнер с галактическим именем, всегда в разъездах, но два года не показываться в родном доме?

– Брачные союзы создают люди, – сказал доктор. – А людям свойственно ошибаться... или меняться со временем.

– Но как же «браки создаются на небесах»? И – «пока смерть не разлучит»...

– Бывает и так, – признал он. – Но очень редко. А знаешь почему?

Я не знала, и потому покачала головой.

– Потому что нет ничего вечного во Вселенной. Что-то уходит, что-то приходит. Даже звёзды, в конце-то концов, умирают, что уже говорить о человеке с таким коротеньким жизненным сроком по сравнению с той же звездой, что впрямую посмеяться. Сегодня ты твердишь, что не влюбишься ни в кого и ни за что, а завтра тебя накрывает лавиной, и ты не знаешь, как тебе быть и что дальше делать. Потому что нет ни опыта, ни понимания, что это такое и как с ним жить. А с твоей паранормой возможны сюрпризы, достаточно неприятные...

– Вы всегда боялись моей паранормы, дядя Эл, – задумчиво сказала я. – Но почему? Двадцать два пункта по Гаманину, что тут страшного? Я даже искорку на кончике пальца зажечь не могу, не то, что... А вы боитесь пожара.

ГЛАВА 2

– Что ж, прямой вопрос требует прямого ответа... Твоя генерация, Ламель-17 с доминантой Нанкин, предполагает индекс Гаманина от четырёхсот до почти тысячи. Эта линия вообще, с самого начала, создавалась для армии. А теперь смотри, генетика у тебя безупречная, ошибок при сборке не допущено ни одной, но – всего двадцать два пункта. Спрашивается, почему?

– Я не знаю, – честно сказала я.

– И мы не знаем. Но у тебя огромный потенциал, и он может высвободиться при сильных душевных переживаниях, к которым относится и влюблённость, кстати говоря. И, между прочим, создатель твоей генетической линии, профессор Анна Жарова-Ламель, приезжает на симпозиум, посвящённый проблемам биоинженерии... не хочешь встретиться?

Я даже назад подалась от такого коварного предложения. Встретиться – это, значит, лететь через всю планету в Барсучанск, в Аркадийский Центр этот, прости господи, современных биотехнологий, работать там живым экспонатом для лекций студентам. На тему «собрали, как положено, работает как всегда» или «кривые руки не для скуки». Профессор ещё по мне статьи научные писать будет, к гадалке не ходи...

– Примерно такой реакции я и ожидал, Дес. Никто не станет принуждать тебя против воли, никуда не нужно ехать –

достаточно согласиться, и, скажем, в один из вечеров, когда тебе будет удобно, мы соберёмся у меня на веранде и будем пить кофе под красивую музыку: ты, я и профессор... Не спеши отказываться, Дес, сначала хорошо подумай. Собственно, поэтому я и пришёл к тебе сегодня. Предложить такую встречу.

– Спасибо, – сказала я, обижать доктора не хотелось, он всегда относился ко мне хорошо, и я добавила: – я подумаю...

А про себя решила, да ни за что.

– Да, вот ещё что... Пожалуй, неплохо будет, если ты будешь знать об этом. Новость от аркадийского Университета Телепатических искусств. Последняя стадия клинических испытаний проекта, позволяющего значительно сократить психотерапию при нарушениях общения, наконец-то завершена. Полагаю, тебе не помешало бы почитать спецификации.

– Я не хочу ни с кем общаться, дядя Эл, – сказала я устало. – Я вас люблю и уважаю, но даже вы меня сегодня утомили. Честно.

– Десима, девочка, – мягко сказал он, – однажды тебе придётся повзрослеть, согласишься.

Я промолчала. Не люблю спорить. Не люблю вести пустые разговоры. Вообще разговоры не люблю. Насколько всё-таки полным и информативным бывает молчание, настолько разговоры получаются ворохом сверкающих конфетти, из кото-

рых не составишь целую картину, как ни старайся.

Дженкинс посмотрел в свою чашечку и перевернул её над блюдцем. Гадание на кофейной гуще, деревенские игры разума...

Я ждала, что он скажет, что там увидел, но он не сказал. Поднялся, поблагодарил за кофе. Я проводила его до конца аллеи. И наконец-то осталась одна.

Закат угас, и океан переливался сполохами фиолетового и красного огня. Это светился знаменитый аркадийский криль, его всегда становится особенно много к осени. Прибывает течением, плюс он сам размножается как сумасшедший.

Бешено несущиеся тучи отражали морской свет, и небо светилось тревожным пламенем. Скоро, скоро ударит буря...

Я подставляла лицо ледяному ветру, не спеша уходить в дом, и ни о чём не думала. Я сама была ветром, и облаками, и этим пылающим крилем, и каждой волной, бьющей в каменистый берег, и мне было хорошо.

После, прибирая столик, я из любопытства посмотрела на чашечку Дженкинса. Что-то же он там увидел, в своей гуще. Не мог не увидеть. Увидел, и мне ничего не сказал...

Застывшая тёмная масса сложилась в неожиданно чёткий рисунок. Такое встречается редко, обычно долго всматриваешься, когда пытаешься определить что-то по-настоящему важное.

Треугольник. Вилка. Сова. Человеческий контур, но почему-то с крыльями... Похоже, дядя Эл действительно расстался с женой, не по своей инициативе причём. По её. Эх, тётя Алина... жаль.

Я отнесла посуду в мойку, активировала цикл очистки. Подглядывать нехорошо. Хоть мысли, хоть вот – чужую судьбу...

Буря бушевала сутки, и только через день, поздним утром, ветер разметал наконец-то тяжёлые тучи, открылось над головой пронзительно-синее небо. Над пенными волнами потянулся крикливый клин пестрянок: птицы прощались с Алым Берегом, летели зимовать на далёкий ласковый юг. У пестрянки – бурые, синие и оранжевые перья, с белым зеркалом на крыле, смешной хохолок из длинных тонких белоснежных пёрышек с золотом на кончике. Хохолок прижимается к затылку и шее во время полёта. А ещё птицы наделены толикой телепатической восприимчивости, и часто стоя действует на морской охоте или при перелёте как единое целое.

Пестрянки улетают на юг последними. Как только схлынет волна вынужденных переселенцев, можно будет ждать уже и первого снега.

Пока, несмотря на ледяной ветер, снова пригревало солнце, и цветы, сумевшие пережить бурю, радостно поднимали

яркие головки. Они успеют доцвести, успеют даже дать семена. Какие-то я соберу, чтобы посеять весной, какие-то отлично перезимуют под снегом сами. Всё шло, как всегда, и эта осень ничем не отличалась от прошлой. А прошлая ничем не отличалась от череды таких же, промытых дождями, холодных и солнечных дней.

... Я рисовала волны. Смешивала краски – акриловые, спиртовые – прогревала ладонью, и цвета ложились в правильном хаосе, рождая на стекле стихию: волна шла прямо на зрителя, курчавась пенным гребнём, и сквозь неё просвечивало багрянцем штормовое солнце и криль сиял фиолетовым, не умея и не желая бороться с течением. А за первой волной вскипали другие, и ветвистые молнии пропарывали низкие, подожжённые буревым закатом тучи.

Что-то есть в том, как ты выдёргиваешь мгновение из потока бытия, придаёшь ему форму и отбрасываешь тенью на холст. Стекло, дерево, бумага – не важно, материал холста может быть любым. Важно – сошедшее настроение, без которого ничего не получится. Поэтому мои выставки бывают всего два раза в год. Не умею рисовать на заказ или потому, что так надо. Картина приходит сама... Или не приходит.

А когда я подняла голову, закончив полотно, то увидела Сае. Нет, не так. Сначала был этот тёплый толчок: улыбнись. А потом уже я подняла голову и увидела, как Сае стоит на набережной, заложив за спину руки, смотрит на крутые горбы волн, и ветер колышет полы его странного небесно-голубого

бого плаща.

Ему тоже нравились стихия, непогода, ярость и буря, мне ли было не понять этого!

Я приготовила кофе, на этот раз и на себя тоже. Мы вместе пили кофе, Сае молчал, видно, не знал, что говорить, а я не лезла ему в душу тоже. Я старалась не смотреть на него так уж прямо. Но подмечала детали, которые не заметила вчера. Линия подбородка, тонкие брови в тон волосам, тёмные, но с синей искоркой... Тонкий прямой нос, от переносицы. Так странно. И похож на человека и не похож.

– Что-то случилось, Дес? – спросил вдруг Сае мягко. – Вы так смотрите...

– Простите, – смутилась я. – Я так просто... я подумала, ещё вчера, может, я вас нарисую... а сегодня смотрю и вижу, где ошиблась... По памяти рисовать не всегда получается хорошо.

– Вы – художник, Дес? – спросил он, помолчав.

– Да, – подтвердила я. – Я люблю рисовать.

– Десима Снежина, – усмехнулся Сае в своей любимой манере, уголком рта. – Я слышал о вас. Странно, что сразу не догадался. Сам виноват.

– Ну... может быть... – не стала я спорить.

Меня иногда узнают посторонние, совсем чужие, кого я никогда раньше в глаза не видела. Поэтому я, кстати, терпеть ненавижу выставки, моя бы воля, ни на одну не явилась бы. Но нельзя. Еслиставляешь свои картины для свободного

доступа, то присутствовать просто обязана. По крайней мере, два раза точно: на открытии и на закрытии.

– Получается, я теперь знаю о вас больше, чем вы обо мне, – серьёзно сказал мой новый знакомец. – Я расскажу...

– Если не хотите, не надо, – торопливо воскликнула я.

– Вам неинтересно, Дес?

– Интересно, – не смогла я соврать. – Но я не хочу вонзать в вашу душу крючья. Может быть, вам больно и так.

– О, если я назову вам своё полное имя и род занятий, это не будет крючьями, – отмахнулся Сае. – Моё полное имя – Саернтик, я – чима, то есть, странник. Путешествую по разным мирам и собираю их историю в книгу... Нет, не шпионю, не беспокойтесь! Просто записываю свои впечатления для моего народа. Так далеко ещё никто из наших не добирался; я буду первым.

Вот когда отлегло от сердца! Он сказал «для моего народа». То есть, он не один, у него есть соплеменники, семья: отец и мать, братья и сёстры, дядюшки и тётушки, племянники и племянницы, друзья, любимая... дети, может, даже и внуки. Это важно, знать, что ты не один во Вселенной. Даже если совершенно не тянет общаться с соплеменниками.

– Ваша картина со мной... вы её покажете мне, Дес?

– Покажу обязательно, – заверила его я. – Но только когда закончу. Незавершённое творение не терпит посторонних глаз.

– Хорошо, я буду ждать.

– Договорились. Сейчас я хочу пройтись по пляжу, за набережной. Вы можете остаться здесь, вот там кухонный блок, он стандартный, можете приготовить себе ужин. Оставайтесь, сколько хотите. Возвращайтесь, когда захотите...

– Почему вы так щедры со мной, Дес? – спросил Сае.

– Не знаю, – честно призналась я. – Что-то в вас такое есть... Как будто звёздный ветер спустился с горних высот в мои владения... Смешно звучит, знаю. Но если вам моё гостеприимство в тягость...

Он улыбнулся. Как в первый раз, мягко и очень так... особенно... не могу объяснить... никто другой никогда не улыбнётся именно так, как Сае, звёздный странник со сложной судьбой.

– Нет, – сказал он наконец. – Ваше гостеприимство мне не в тягость, Дес.

От его слов стало тепло, будто солнечный луч пробился сквозь тучи. Я улыбалась, когда уходила.

Огромные волны налегали на берег, и пена на их горбах вспыхивала бледным золотом в негреющих лучах осеннего солнца. Люблю стихию! Бурю, ураган, грозу. Шторм. Нет у меня крыльев, а то распахнула бы их и легла бы грудью на ветер, как буревестники.

Аркадийский буревестник – огромная птица. В тихую погоду он обычно сидит на скалах, но в ветреную расправляет хищные крылья и поднимается на такую высоту, что разгля-

деть его там без бинокля сложно. А потом, оттуда, из бурлящей бешено бегущими облаками бездны, камнем падает вниз, косо уходит под волну, чтобы взмыть в воздух обратно, крепко сжимая в стальном клюве гибкое серебристое тело добычи.

Рыбе – не повезло...

И жаль, да что поделаешь. Природа беспощадна. Сегодня ешь ты, завтра едят тебя. А я, пожалуй, нарисую птицу, выдирающую себя из-под волны навстречу небу и ветру.

Спиртовые краски позволяют передать глубину и мощь океанической волны настолько полно и ярко, насколько это возможно. Поверх основы можно использовать акрил, и картина тогда приобретёт рельеф и объём.

Птица. Белая снизу, серая со спины, кончики крыльев чёрные, лапы ярко-алые, как скальный колокольчик. Буревестник поджимает их к брюху во время полёта. Так убираются в специальные камеры стойки шасси у летательный аппаратов класса «атмосфера» или «атмосфера-пространство».

Там, где есть воздух и ветер, необходимы обтекаемые формы, если хочешь летать. Ничего не поделаешь. А птице ведь приходится ещё нырять за едой в воду, в среду другой плотности...

Я вернулась, когда уже изрядно стемнело, и на набережной загорелись тёплым сиянием осветительные панели. И сразу стало понятно, что в воздухе стоит мелкая осенняя мо-

рость, такая крохотная серебристая влажная взвесь. Её, между прочим, не так просто отразить на картине. Приходится работать со слоями, с рельефом, но возня того стоит. Дьявол кроется в деталях, не помню, откуда это выражение, но мне оно очень нравится.

Когда я вернулась, меня встретили запах сбежавшего кофе и виноватая улыбка Сае.

– Я увидел, что вы возвращаетесь обратно, Дес, – сказал он. – И вот... решил вас порадовать... Приношу извинения.

– Вы в первый раз пытались приготовить кофе? – спросила я.

– Да, – чуть смущённо ответил он. – Но я же видел, как его готовите вы! Я решил, что это просто, и я справлюсь. Не просто. Не получилось.

– Я вам покажу, – ответила я. – Только сначала всё здесь почистим...

Мы почистили рабочее пространство, точнее, чистила я, привычными движениями, Сае только смотрел. Потом я дала ему турку, и под моим контролем у него всё получилось прекрасно.

– Это правда просто, – сказала я, когда мы сидели за столиком и держали в руках чашки с ароматным напитком. – Но – нужна сноровка. Опыт. Готовьте кофе чаще – научитесь быстрее.

– Если только вы будете подсказывать, Дес, – сказал Сае. – Это оказалось сложнее, чем я думал... Можно мне завтра

прийти к вам снова?

– Конечно, – разрешила я. – Приходите, когда хотите... Я, может быть, буду рисовать завтра и вас не замечу. Не обижайтесь, пожалуйста. Когда я рисую, я ничего не вижу и не слышу, и бесполезно ко мне во время работы подходить.

– У меня много работы, – сказал на это Сае. – Посижу с терминалом. Подожду, когда вы закончите рисовать, Дес. Но кофе варить не буду! Вдруг опять...

– Кофе мы сварим вместе, – пообещала я.

– Хорошо. Может быть, что-нибудь принести вам? В обмен.

Я растерялась: о чём он? Я же не ради подарка старалась...

– Ничего, Сае. У меня всё есть...

– Хрустальное сердце великана?

Я посмотрела в его глаза, где дрожали весёлые искры, и поняла, что он так пытается сделать красиво. Хрустальное сердце – это из детской сказки, про Деву Полей... Удивительно, что Сае эту сказку знает. А впрочем, он же прилетел на Аркадию познакомиться с культурным кодом Человечества вообще и аркадийцев в частности. Эта сказка – золотой фонд, и развлечения по ней есть, и игровое пространство, и ретро-постановки в ретро-театрах, и карнавальные роли...

– Тогда уже звезду с неба, – серьёзным тоном ответила я. – Небольшую.

А эту сказку он знает?

– Хорошо, – согласился Сае.

Мне стало любопытно, как он выкрутится. Но я удержала в себе все вопросы. Завтра поглядим!

Сае ушёл, а я вернулась снова на набережную, приглушила освещение. Тёмная осенняя ночь больше не сыпала мелким дождиком, зато тучи разорвало на время, и над пылающим океаном горели теперь осенние звёзды.

Я безошибочно нашла Лазурную. Яркий голубой гипергигант служил первым колонистам Аркадии навигационной звездой. Любая колония, если по какой-то причине теряет связь с материнской культурой, неизбежно скатывается в натуральный век: жизнь на пределе возможностей, когда весь ресурс направляется исключительно на то, что служит выживанию. Грубо говоря, художники рисуют картины только после полноценного рабочего дня на посевной... если у них ещё остаются после этого силы.

Я радовалась, что родилась на четыреста лет позже натурального века нашей Аркадии. Я бы не смогла работать в поле. А впрочем, не знаю. Если бы я с детства ничего другого, кроме тяжёлого сельского труда, не видела...

Лазурная давным-давно умерла: превратилась в сверхновую. Сбросила свои оболочки и схлопнулась в нейтронную звезду. Но свет этого грандиозного фейерверка придёт к Аркадии только этим летом. Ожидается грандиозное астрономическое шоу, и по этому случаю планета приняла совсем уже запредельное количество туристов, раза в четыре боль-

ше, чем в прошлый сезон.

Я подумала, что неплохо бы рассказать о Лазурной Сае. Отсюда, с набережной у моего дома, хорошо будет всё видно.

Я вспомнила, когда в самый первый раз, ещё ребёнком, услышала о Лазурной. Мне было так странно, так больно тогда. Смотришь в небо и видишь звезду, которой давно уже нет во Вселенной. Несправедливо!

Доктор Дженкинс объяснил мне тогда, что объективные законы развития не могут быть справедливыми или несправедливыми. Они просто есть. Как океан, как ветер, как камень. Можешь возмущаться ими, можешь восхищаться или относиться с безразличием, всё равно. Одно только никогда не сможешь сделать. Проигнорировать их.

– Как тяготение, – посмеиваясь, объяснял доктор. – Ты живёшь в нём, ты его не замечаешь, ты даже можешь в него не верить. Но если шагнёшь со скалы без антиграва, ты попытаешь на себе его силу, понравится она тебе, или нет. Вот так и мир вокруг нас. Всё в нём рождается, живёт, а потом умирает, это объективно вне нашей власти. Лазурную ты не спасёшь, там уже нечего спасать. Но зато её мельчайшие частички дадут жизнь другим планетам, звёздам или вот хотя бы белковым формам жизни. Все мы – потомки взорвавшихся звёзд...

Элмер Дженкинс умел находить слова, и дело даже не в первом телепатическом ранге. Просто у него талант к словам. Как у меня к рисованию.

Потом, много позже, я восприняла немало учебных материалов по астрофизике, особенно интересуясь эволюцией звёзд. Самые первые звёзды состояли только из водорода; в них шли термоядерные реакции и синтезировались другие элементы; после взрыва они разлетались по космосу, образовывали новые звёзды, и всё повторялось снова...

Солнце Аркадии – звезда второго поколения. В ней есть металлы... я вспомнила, как держала в руках спектрограмму, а обучающая нейросеть объясняла про линии поглощения. И как это внезапно всплывшее знание увязывалось с моим странным гостем?

Сае был – сплошная загадка и тайна. Начиная с расы, представителей которой у нас на Аркадии не видели ещё никогда, заканчивая его собственной личностью. Путешественник, сказал он. И что же ему не сиделось дома? Просто так по космическим трассам не бродят.

Расскажет, если захочет. Не расскажет – увижу сама. А если не увижу... значит, так тому и быть. Не всякой тайне нужна разгадка.

А тайна Сае была – как колючий ёжик звёздного света на ладонях. Можно вскрыть, но тогда свет погаснет. А можно держать в руках и дальше: пусть себе светит, насколько её хватит.

Снова начал срываться дождь. Звёзды затягивало облаками, и они гасли одна за другой, лишь яркий фонарик Лазурной пробивался сквозь плотную пелену. Я вздохнула, верну-

ла освещение в прежний режим и ушла в дом.

ГЛАВА 3

Спиртовые краски хороши для создания фона. Яркие оттенки, дымчатые переливы, любое, самое безумное, сочетание цветов...

Спирт наносится на всю основу. Затем наносятся чернила, в разных местах – разного цвета. А потом можно провести тёплой ладонью – те, у кого нет «горячей» паранормы, используют специальный фен.

Да, индекс Гаманина у меня ниже допустимого предела. Но на мелочи хватает. На картины...

И вот уже проявилась на стеклянной основе волна, пронизанная закатным солнечным светом. Ветреное небо, линия далёкого берега...

Птиц я создаю уже другой краской – акриловой. Она густая и быстро твердеет, но мне сейчас не важна точность, главное обозначить основные детали.

А уже потом я закрываю глаза и веду над картиной обеими ладонями. Перед внутренним взором распахивается окно в штормовую даль. Я слышу крики птиц, и в лицо мне бьёт порывистый ледяной ветер, несущий солёные морские запахи вперемешку с запахами осенней листвы. Я – волна в океане, я – птица над волной, я – солнечный луч, проброшенный в закат. Краткое мгновение, заполняющее собой всю меня, от края до края... Лишь в такие минуты я ощущала мир так,

как, наверное, чувствует его другие, полноценные, паранормалы. Единым и полным, внутри меня и вокруг меня...

Жаль только, что мгновение проходит слишком быстро.

Краски блекнут, ощущения гаснут, сворачиваются в обычные зрение-вкус-осознание-слух. И только изменившаяся, застывшая в своей абсолютной законченности картина показывает, что мгновение – было, оно было со мной.

Было, и – ушло.

И руки дрожат.

Я с отвращением посмотрела на собственные пальцы. Всё, больше мне сегодня ничего не нарисовать.

А напротив стоял грифельный набросок моего нового знакомца, Сае. Я видела несостыковки и ошибки, он всё-таки сидит за столиком не совсем так, и плащ его странный шевелится у верхних коленок, и кисть руки, держащей кофейную чашечку, тоже неплохо бы поправить...

Все правки – до последнего изменения. После него уже бесполезно всё. Поэтому надо успевать до выплеска дара, иначе рисунок так и останется искажённым, а это очень плохо.

Я отвела взгляд от нарисованного Сае и посмотрела на сегодняшнюю картину. Чудно, птицы получились синими, с огромными крыльями. Точно они – не наши буревестники, те серые, с белым и чёрным, жёлтые клювы, оранжевые лапы. А у этих крылья больше всего походили на крылья старотерранских летучих мышей. Может, не мыши они, а драконы?

Легенда о летающих огнедышащих ящерах разошлась далеко вместе переселенцами Человечества. Кое-где в космосе такие ящеры даже встречались: местная форма жизни. Правда, без «горячей» паранормы, огонь выдыхать они не могли. Но уж что есть.

Не знаю, где я услышала или увидела или как-то зацепилась вниманием. Ну, пусть будут на моей картине вместо аркадийских буревестников драконы. Может, наши буревестники – драконы внутри?

Самое удивительное, что нарисованный Сае чем-то схож был с ними, а вот чем, я не могла уловить. Разные абсолютно, но такие родные. Может быть, он тоже дракон внутри?

Это тёплое чувство, как в детстве, на пороге перед новыми тайнами. Тогда мне весь мир казался одной сплошной загадкой, которую не хотелось разбирать на части, но прикасаться к нему было не запретить.

Я подумала, и отнесла картину с птицедраконами вниз. Придёт Сае, пусть сам посмотрит. В нём жила сила, равная моей. Может быть, не «горячая» паранорма, всё-таки пирокинез – эксклюзивная разработка биоинженеров Человечества. Что-то другое. Равное моему дару. И, в отличие от моих способностей, вполне оформленное в опасную и грозную силу.

... Он пришёл на закате. Всё такой же, в синем плаще, и с теми же синими искорками в глазах.

– Вы просили звезду, Дес, – абсолютно серьёзно сказал он

и протянул мне закрытые ладони. – Я принёс. Смотрите.

«Смотрите», – сказал мне Сае, открывая ладони.

Я увидела и утратила на мгновение дар речи.

Навсегда в памяти. Маленькая коробочка, а в ней – тонкая, с волос, изумрудно-зелёная цепочка и сияющий в паранормальном спектре кулон, опять же, зелёный. Я бы сказала, изумруд, но разве можно из изумруда сделать цепочку так, как их делают из золота? Это же камень, минерал берилловой группы, зелёный, прозрачный и дорогой.

На искусственный не похоже вот вообще! Кажется, это натуральный изумруд, большая редкость в Галактике, не говоря уже о стоимости...

Крохотные звенья цеплялись одно за другое, и не бутафорски, а по-настоящему. Кулон представлял из себя шарик жидкого зелёного огня... То есть, он был вполне себе твёрдым, можно коснуться рукой. Но в паранормальном восприятии пылал, как маленькая звезда.

Сае исполнил моё шутливое пожелание с пугающей скрупулёзностью.

– Это оамарие, – объяснил он. – Я не смог подобрать точное слово ни на одном из человеческих языков, извините... Оамарие у нас носят дети Огня. Ваш огонь очень слаб, Дес. Но всё же это огонь. И я решил, что подарок придётся вам

по нраву.

У его народа тоже есть пирокинетики, поняла я. Дети Огня, как он их поэтически назвал. Вот только вряд ли он мог купить эту вещь, у нас на Аркадии ничего подобного нет, иначе я бы слышала об этом, может быть, носила бы сама. Или носила бы мама, она любит украшения. Она – военная, на службе у них там никаких вольностей не допускается, но дома-то, в увольнении, на планете, где праздник жизни идёт круглый год, не останавливаясь ни на минуту. Аркадия – богатый и хорошо обустроенный мир, может себе позволить...

Изумрудное сияние так и тянуло прикоснуться. Мы совпадали с ним как лучи одного спектра, если можно так сказать. Какое-то тайное, странное, будоражающее родство, которому не было названия. Почему-то оно ещё и причиняло боль, природу которой я не смогла понять, хоть и пыталась. Такая... как тоска по несбыточному. Как расколовшаяся мечта о расколотой мечте. Как то, чем никогда не владела, но вот-вот потеряю.

– Вам не нравится? – обречённо-покорно спросил Сае, заглядывая мне в лицо. – Я справился?

– Что вы! – поспешила я его заверить. – Очень нравится... погодите, а что значит, «не справился»? Неужели вы сделали эту вещь сами?

– Конечно, я сделал сам, – серьёзно сказал Сае. – Взял мастер-класс в общественной ювелирной, по правилам пользования инструментами... Моя семья, они настоящие, при-

знанные мастера, и хотели, чтобы я повторил их путь. Я был прилежным учеником в детстве и юности, но потом меня увела за собой другая дорога. А навык остался... Хотя не работал уже много лет. И руки, кхм... В общем, отвыкли руки от тонкой работы совсем. Возьмите, Дес. Возьмёте?

Как я могла отказать ему? Сделал сам! Да он художник, как и я, только по камню. Может, на какой-нибудь выставке его работу сочли бы неумелой поделкой дилетанта, там, в том пространстве, где обитает его раса. Может, даже и наши профи забраковали бы. Но главное ведь не в идеальной форме! Главное – внутри. В самой сути, если можно так выразиться.

А суть была в том, что ради этого подарка Сае потратил целый день своей жизни в мастерской. Как отмахнуться от такого искреннего чувства?

Никак.

Вот и я не смогла.

Я осторожно взяла цепочку, надела через голову на шею. Приятное солнечное тепло впиталось в кожу и осталось со мной навсегда.

– Благодарю, – сказала я. – Но вряд ли я смогу отдариться... Слишком дорогая вещь, да ещё – своими руками...

– Не дороже вовремя поданной чашечки кофе, – улыбнулся Сае. – Может быть, вы заварите мне ещё кофе, Дес? Ваша планета чтит традицию кофеварения, но лучший кофе можно получить здесь только из ваших рук.

Льстец. Но... эта изумительная волшебная улыбка... Люди так не умеют. Во всяком случае, знакомые мне люди. Ты хочешь кофе, мой звёздный гость? Я заварю тебе кофе...

Подаренный кулон источал приятное тепло.

Потом мы пили кофе, и молчали. Нам оказалось хорошо молчать друг с другом обо всём на свете. Тишина вслушивалась в нас вкрадчивым шёпотом осеннего дождя, смотрела сквозь воду на дорожках оранжевыми отражениями фонарей, и, казалось, само время замкнулось вокруг нас непроницаемым коконом.

Я тогда очень хорошо запомнила, как пахнет счастье: дождём и кофе.

Непогода ушла на третий день, и снова над океаном горело солнце, рождая на горбах волн ослепительные блики. Я смотрела, как идут друг за другом алые, зелёные и фиолетовые паруса Алополянской школы юниоров, и внезапно мне захотелось вновь попробовать ветер на вкус, как когда-то давно.

В нижних гаражах хранилось несколько виндсерфов, я когда-то любила их. А теперь руки сами горели, вспоминая былую науку. Сколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз выходила в море? Я не помнила этого. Да оно уже было неважно.

Я оформила запрос в нейросеть МЧС. Проверила маячки. Разрешение задержалось, и я уже думала, что сейчас возьмут и запретят, они такие. Но нет, терминал принял сообщение с зелёным заголовком. Гидрокостюм оказался мне слегка тесен, но я решила, что и так сойдёт. Утонуть или смертельно переохладиться не получится, да и ладно. Я же не на гонку собралась! Я же – здесь, рядышком, вдоль берега...

Просто ради того, чтобы поймать в лицо ветер вместе с брызгами солёной воды и вновь освежить в памяти, как идёт навстречу волна, вся в белой пене. Я непременно её нарисую тогда, может быть, даже сегодня.

Сае подошёл посмотреть.

– На вас смотреть холодно, Дес, – заметил он.

– Сегодня хорошая погода, – возразила я. – Холода придут только через десять дней, может, даже через двенадцать... Стопроцентной точности они не дают никогда. А, – внезапно поняла я, – вы из жаркого мира? Вам холодно?

Сае снова прятал руки под плащом, и я удивилась, почему он не сменил одежду, ему явно холодно было стоять на ветру. Не сменил потому, что он бродяга и у него ничего нет? А про нашу Аркадию толком не знает, что здесь и как. В частности, понятия не имеет, что одежда по сезону предоставляется безо всяких условий, просто по запросу...

– Вы можете воспользоваться службой доставки нашего дома, – предложила я. – Закажите себе тёплые вещи, вы же мёрзнете, я вижу.

– Мне не холодно...

– Врёте ведь, – убеждённо заявила я.

– Вру, – легко согласился он.

– И к чему эта глупая гордость? – сердито спросила я. – Замёрзну насмерть, но запрос не дам... Назло – кому?

– Я не хочу обременять вас, Дес.

– Вы не обременяете, – отмахнулась я. – Вы просто не знаете Аркадию! Мы – не фронтир, суровая жизнь осталась далеко в прошлом. Сезонная одежда входит в безусловный социальный пакет жизненной необходимости, который предоставляется каждому, туристу в том числе.

– Безусловный, – задумчиво повторил Сае. – А что, есть условный?

– Конечно! По безусловному вы можете заказать обычный набор одежды, созданный на автоматической фабрике. А вот за что-нибудь модное, дизайнерское, сделанное вручную, – одним словом, нестандартное, тут, конечно, придётся заплатить, причём немало.

Я знала об этом потому, что летом у нас гостили мамыны сослуживцы, двое, оба родом откуда-то из дальних рубежей. И вот они тоже всё удивлялись, как на Аркадии хорошо жить. Их послушать – у них там чуть ли не пещерный век. И, тем не менее, они не остались у нас. Вернулись домой. Я спросила, почему они не хотят жить на Аркадии, если на их родной планете так всё плохо. А они сказали, что Родина – это нечто большее, чем безусловное базовое обеспечение, на

которое можно безбедно жить едва ли не всю жизнь. Я их не очень поняла, но они объяснять не стали.

Военные люди. Для них любые гражданские – не то, чтобы второй сорт, а, как бы сказать, что-то на уровне ребёнка, даже если и есть персонкод полноправного гражданина. Что уже обо мне говорить!

Ребёнка же необходимо защищать и оберегать, и хватит с него.

– От стандартного набора с автоматической фабрики я, пожалуй, не откажусь, – сказал Сае. – Благодарю вас, Дес. Вы спасаете меня снова. Почему?

– Не знаю, – честно сказала я. – Вы – добрый...

– Вы меня совсем не знаете.

– Хотите сказать, что вы злой? – заинтересовалась я.

Сае усмехнулся, покрутил в воздухе пальцами, а потом сказал:

– Возможно. Повторяю, вы совсем меня не знаете, Деси-ма.

– Ладно, – не стала я спорить. – Спрошу по-другому. Вы собираетесь причинить мне какое-нибудь зло?

Он хотел что-то сказать, но я подняла ладонь и мягко добавила:

– Вы, конечно, можете причинить мне зло, вы старше и вы мужчина, и вот у вас там ещё какое-то оружие есть. Точно есть, моя паранорма хоть и слабенькая, но источники питания высокой ёмкости всё же распознаёт. Но я ведь не про

возможность. Я – про намерение. Желание. Не знаю, как ещё сформулировать. Вы здесь затем, чтобы причинить мне зло? Можете даже не отвечать вслух. Ответьте себе, мысленно. Только честно.

– А вы точно человек, Десима? – вдруг спросил Сае.

Новости. Я очень удивилась.

– А кто же я, по-вашему?

– Я не знаю, – серьёзно ответил он. – Но я давно уже путешествую по мирам Земной Федерации. Я видел людей... представителей Человечества, то есть. Самых разных. Вы ни на одного из них не похожи совершенно. Не внешне, конечно же. Внутри. Ваш разум... он другой совсем.

– Ещё скажите, что я – искусственный интеллект, – фыркнула я. – Нет, я человек, конечно же, и разум у меня вполне человеческий. Но – со странностями. Я – художник, мне можно. Вы много художников видели, Сае?

– Нет... – задумчиво ответил он. – Как-то я не посещал выставки изобразительного искусства ... и не общался с художниками...

– Упущение! – воздела я палец. – Посмотрите расписание, у нас на Аркадии регулярно они проводятся.

– Вот опять, Десима. Странно, что вы – художник, а про местные выставки ничего не знаете!

– Я их не люблю, – объяснила я. – Картины ведь приходится отдавать. И кто знает, в какие руки. Да, да, знаю, иначе нельзя, иначе у меня весь дом очень скоро окажется завален

моими картинами по самую крышу... Но не люблю.

– Понимаю... Вы покажете мне ваши картины, Дес?

– Покажу, – согласилась я. – Да вы можете и сами посмотреть, поднимайтесь по лестнице на второй этаж, там большая терраса, она же моя студия. Можете посмотреть, там самые последние работы. Я вам птицу хотела показать и не показала, так она стоит внизу, где мы кофе пили, у стенки... Пока вы смотрите, я пойду в море. Вернусь, сварим кофе. И вы расскажете, что вам понравилось, а что нет...

– Как скажете, – согласился Сае.

Но он не ушёл сразу. Остался смотреть, и это предопределило дальнейшие события. Иногда будущее выстраивается вокруг такой незначительной мелочи, что диву даёшься. Выдерни эту крохотную песчинку – сойдёт лавина. Но вначале её необходимо заметить. А вот это уже в моменте дано не каждому. Большинство понимают только через призму долгих, застоявшихся за давностью лет, воспоминаний. А иногда не происходит даже этого. И вопрос «почему?» повисает в воздухе без ответа...

... Волна сегодня была не такой сильной, как обычно в это время года. Тело и руки легко вспомнили, как управлять доской. Как будто и не прекращала никогда. Ветер и волны, волны и солнце. Убрать шверт, увалить доску влево, прибрать парус... и доска выходит на глиссирование, и память вбрасывает в сознание прошлый восторг, и он смешивается с нынешним, и хочется орать от избытка чувств...

Только воздух, только бескрайнее пространство, только бесконечный полёт.

Парус рвёт из рук, сказывается долгое отсутствие тренировок... короткий, обидный полёт в холодную воду... брызги на полнеба, горький вкус океанической соли на губах... эх, ты, Десима, великая звезда виндсерфа!

Я бы выбралась, что тут сложного. Холод для носителей «горячей» паранормы не проблема, да и какой там холод в середине осени, так, ерунда, детские ясли. А уж утонуть в гидрокостюме со встроенной системой спасения (других на Аркадии просто не производят) невозможно в принципе.

Но я не успела ничего понять, я даже «мама» пискнуть не успела! Небо закрыла на мгновение синяя пелена, сквозь которую, словно сквозь неплотное облако, просвечивала таблетка солнца, неопасная для глаз. Затем неведомая сила выхватила меня из воды. Два удара сердца, и я на берегу. А моя несчастная доска с упавшим на воду парусом – где-то там, во власти течения. Барьер пропустит её, он нацелен на источники энергии и на крупные белковые организмы...

– Вы тонули, Дес.

Сае... Я проглотила прыгнувшие на язык слова: «я не тонула ничуть, сама бы справилась, спасибо – но зачем, не надо было напрягаться... » Потому что синий дурацкий плащик, шёлковый на вид, развернулся за спиной моего странного знакомого в полноценные крылья.

Не такие изысканно-прекрасные, с резным краем, как у

крылатых гентбарцев. Скорее, как у летучей вроделисицы с Туманного Архипелага, и даже коготь на верхнем сгибе имелся, иссиня-чёрный, внезапно пославший в глаз колкий солнечный блик. И то, гентбарцы – насекомые, а крылатые лисицы – млекопитающие, и раса Сае, скорее всего, тоже. Ближе к нам, чем гентбарцы, однозначно.

Сае повёл плечами, стряхивая с крыльев воду, – радужным веером полетели наземь прозрачные капли, – и крылья снова свернулись в плащ, но теперь меня уже было не обмануть. Я больше не могла вновь разглядеть в них одежду! И удивлялась сама себе, как могла так ошибиться. Ведь видно же, сразу видно, что это – не мёртвая фабричная ткань, это – живое. Где были мои глаза?!

ГЛАВА 4

– Что с вами, Дес? – тревожно спросил Сае, заглядывая мне в лицо. – Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

– Н-нет, – заикаясь, ответила я. – Не надо врача... Всё в порядке...

Он заботился обо мне! Он искренне испугался за меня, решил, что я утонула, полетел, спас... вытащил на берег, а теперь заботился обо мне.

Дорогого стоит, знаете ли.

– А вы? – спросила я у него, меня всё ещё трясло. – Как себя чувствуете вы?

Что-то с ним было не так, а что именно, я не могла понять. Я чувствовала неладное обострившимся паранормальным восприятием, но на сознание оно не выходило никак.

– Неплохо, – отозвался на мой вопрос Сае, но при этом не пошевелился.

Сидел мокрым воронёнком, уморительное, и вместе с тем очень тревожное зрелище.

И наконец-то вломилось в разум, что на самом деле ему плохо, очень плохо, но Сае скорее умрёт, чем признается в этом. Я коснулась его руки, уже зная, что получу. И точно, ладонь обдало влажным жаром.

Да он попросту болен! У него температура! Перемерз на ветру. Зачем, зачем я вылезла с этой проклятой доской в мо-

ре! Сае же нырял за мной! В холодную воду. Он же не знал, что для меня такая вода несмертельна вовсе! Паранорму пи-рокинеза создавали на Старой Терре, под условия ледяного века, именно с той целью, чтобы Человечество могло пере-жить надвигающуюся долгую зиму. Я даже зимой купаться могу. И купаюсь! Самая прекрасная вода у нас на Аркадии именно зимняя, с битым льдом...

Но Сае об этом не знал.

Нырнул, не рассуждая. Бросился спасать – не рассуждая! С высокой температурой, огосподи. Может, у него там вос-паление лёгких. Запущенное. Может, ещё что-нибудь.

Паника поджигала мысли быстрее, чем они обретали фор-му.

– Ну-ка, пойдёмте со мной! Пойдёмте в дом!

Сае неожиданно оказался тяжёлым, как поглотивший сто-кратную перегрузку гравикомпенсатор. Каждый шаг давался ему огромным трудом. Да как он вообще из воды вылетел! Да ещё со мной в руках.

Дальше веранды пройти не удалось. Я уложила Сае на длинную лавку, которая шла вдоль бортика, он уже не очень-то соображал, где он и что происходит, но при этом верил мне... доверял... несмотря на жар, в его руках жила страш-ная сила, я чувствовала. Стиснет мне запястье в беспамят-стве – прощай, косточки. Но он всё же себя ещё контроли-ровал.

Что же делать, что же мне делать, а если Сае умрёт, и всё

из-за меня... Надо... что надо... что надо сделать, что...

И я вдруг вспомнила о докторе Дженкинсе. Резко, будто меня хлестнуло водяной плетью. Я торопливо вызвала его. И едва ли не влезла в развернувшийся над личным терминалом голографический экран

– Доктор Дженкинс! Дядя Эл! Помогите!

Доктор Дженкинс не стал долго расспрашивать, в чём дело. Видно, мой встрёпанный вид сказал ему, что дело плохо, лучше всяких слов. Он появился у моего дома мгновенно – воспользовался струной гиперпрокола. А надо сказать, что компактные струны, действующие в пределах планеты, до сих пор доступны только врачам, причём не всяким, и военным, тоже не всем. Не потому, что производство их слишком дорого. Для Аркадии нет ничего дорогого в Галактике. А чисто из соображений безопасности. А ну как все подряд начнут дырявить пространство мгновенными перебросками? Дети, несознательные взрослые, туристы, службы развлечений, отельные трансферные компании, – одним, словом, все.

Так и до экопространственной катастрофы недалеко!

– Да, Дес, – сказал доктор в лёгком замешательстве, рассматривая лежащего без сознания Сае. – Тебе удалось меня удивить! Впервые вижу представителя этой расы вживую,

своими собственными глазами...

– Что с ним? – нервно спросила я. – Он умрёт?! Он уже умирает?

– Сейчас посмотрим...

Ждать вердикта оказалось невыносимо. Но и под руку толкать врача – тоже ничего хорошего, и поэтому я извелась до полусмерти за те краткие минуты, пока шёл осмотр и умные приборы из переносного реанимационного ящичка готовили результаты анализов.

– Лёгкие чистые, – сказал Дженкинс, – внутреннего кровотечения нет... Тест на варигрипп положительный. Ну... Штраф за неявку в карантинную службу парень получит приличный. А поскольку вряд ли у него на счету что-то есть, отправится отрабатывать ручками в службу уборки.

– Но он же болен! – возмутилась я.

– Когда выздоровеет и окрепнет после болезни, разумеется. Правила есть правила, их придумали не за тем, чтобы нарушать, ведь каждое из них написано кровью.

Я обхватила себя руками и промолчала. Не люблю спорить, особенно с Дженкинсом. На каждое моё слово он найдёт три своих. И прозвучат они логично, правильно, замечательно, потому что Эл Дженкинс сам в них будет верить. А я... Я почувствую трещину. Как в стеклянной чашке, которую бережно собрали из осколков, тщательно отполировав стыки. Внешне будет неотличима от себя прежней. Но паранормальное зрение безжалостно отметит все шрамы, не за-

метные тому, кто не умеет видеть...

– Дес, варигрипп включен в планетарный календарь прививок, – терпеливо объяснил Дженкинс. – У подавляющего большинства населения нашего мира есть иммунитет. Все прибывающие к нам туристы, восприимчивые к вирусу, либо проходят иммунизацию перед поездкой, у себя, либо получают дозу уже здесь. Гентбарцам, например, именно от варигриппа прививаться не нужно, они им не болеют в принципе и носителями быть тоже не могут, другая физиология. С них никто и не спрашивает. А вот твой новый знакомый заразу поймал, потому что о защите не подумал. Знаешь, почему не подумал?

Я помотала головой.

– Потому что оказался на Аркадии нелегально. И нам очень хочется узнать, как именно у него это получилось.

Нелегально... Я мигом вспомнила все развлечения про контрабандистов, шпионов и чёрных копателей, то есть, продавцов украденных с археологических раскопок артефактов, какие только смогла. Многие из них пробирались через санитарные кордоны, притворяясь грузом. Вводили себя в состояние комы, временной, упаковывались в специальные контейнеры, обманывающие детекторы органики... Иногда контейнеры прибывали по месту назначения в лучшем виде, но чаще терялись. И тогда с ними – и с теми, кто по глупости или долгу службы вскрывал такой контейнер! – случались всякие приключения.

– Десима, – с мягким укором сказал Дженкинс, – это всё сказки для неискущённых умов! Ты на Аркадии. Здесь такое невозможно в принципе: уровень контроля слишком высок.

– Он попал в беду, – упрямо сказала я, – это же очевидно!

– Кому очевидно, Дес?

Ненавижу эту его всепонимающую улыбочку! Может, первый телепатический ранг и позволяет доктору Дженкинсу видеть меня насквозь, но демонстрировать это настолько явно – чистое свинство, я считаю.

– Твой новый друг – апарие, – сказал Дженкинс. – Апарие не так уж давно стали контактировать с Федерацией. Их пространство находится очень далеко отсюда, так далеко, что ты себе даже представить не можешь. Вкратце, если ты соберёшься слетать туда на экскурсию, у тебя уйдёт на это восемь лет в один конец.

– Разве гейт дальней пересадочной станции не перебрасывает корабль мгновенно? – возразила я.

– Верно. Перебрасывает. Но манёвры в пространстве требуют времени. Ведь любая пересадочная станция генерирует туннель к такой же узловой станции по федеральной межзвёздной транспортной сети. Через узел или несколько сразу ты не прыгнешь при всём желании. До пространства апарие – минимум сто два таких узла. Посмотришь потом карту.

– А напрямую, по сигналу опорных маяков...

– Ребёнок ты ещё, Дес, – покачал головой Дженкинс. – Теория пятимерного пространства допускает такие прыжки,

но на практике – где взять столько энергии?

Я промолчала. Увольте меня решать задачки по пятимерной физике! Я два умножить на два поделить на два посчитать не могу даже на пальцах. Не математик я. Художник. Разум со странностями, как я сама говорила сегодняшним утром Сае...

А он лежал неподвижно, Сае. Без сознания, бледный, и одно крыло свесилось до пола, утратив упругую небесную синеву...

– Будет жить, – поймал моё настроение доктор. – Его организм оказался восприимчив к варигриппу, значит, и лечение будет эффективным тоже. Вскоре ему станет легче настолько, что даже, может быть, получится поговорить...

– Вы снимете с него глубинный ментальный скан?! – ахнула я.

– Побойся собственной совести, Дес! – рассердился Дженкинс. – Это запрещено, тем более, по отношению к негражданам Федерации. La kайzo de la milito, однако. Нам ещё с аппарате проблем не хватало... Меньше смотри низкосортных развлекалок, ей-богу.

Мне стало стыдно. Я почувствовала, как горят щёки и уши. Высшие телепаты очень щепетильно относятся к праву на ментальную неприкосновенность не имеющих телепатической паранормы. Закон – ими же самими установленный, между прочим! – они соблюдают строго и карают нарушителей безо всякой жалости. Тоже красная нить сюжетов многих

развлекалок, которые строятся как раз на нарушении персонажем такого закона. Практически везде нарушитель – злобная гадина, с которой надо бороться. А те, что не гады, всё равно получают своё.

Потому что правила придумывают не за тем, чтобы их нарушать. Ведь каждое из правил возникает после того, как кто-то гибнет там, где можно было выжить, если знать правило...

Карантин тот же. Разные планеты, разные расы... Угроза биологического заражения не шутка! Сае заразился нашей болячкой сам, но что если он привёз с собой какую-то свою, не доступную пока ещё нашей науке? И тогда благословенную Аркадию ждёт пандемия...

Ужас!

Сае между тем шевельнулся, открыл глаза, и у меня отлегло от сердца. Живой! Лечение доктора Дженкинса помогло ему: живой. Сае резко дёрнулся, я не знаю зачем, чтобы сбежать? Кем надо быть, чтобы испугаться врача?! А потом я словно увидела доктора Дженкинса его глазами: посторонний, значок первого телепатического ранга на воротничке. Испугаешься такого, ещё бы.

– Не стоит делать резких движений, Саернтик, – доброжелательно посоветовал ему доктор, предлагая подушку под спину. – Вы больны, вам необходим покой.

– Вы знакомы?! – изумилась я.

– Дес, – всё с той же бесячей мягкостью в голосе сказал

Дженкинс, – апарие в пространстве Земной Федерации – пока ещё очень большая редкость. Конечно, мы знаем таких наперчёт!

Мы. До меня дошло наконец-то. Когда высший телепат говорит «мы», он имеет в виду не себя одного, но всю инфосферу. Во всяком случае, ту её часть, что отвлеклась на текущую ситуацию с тобой. Каково это, расплескивать своё сознание по всему ментальному пространству, быть частью каждого и самому оставаться частью всех.

– Что скажете, друг? – обратился доктор Дженкинс к Сае, который, подумав немного, всё же не стал отказываться от подушки под спину.

– Это вопрос? – облизнув губы, хрипло спросил апарие.

– Всё зависит только от вас, – Дженкинс слегка развёл ладонями. – От степени вашей искренности. Мы не причиним вам вреда, Саернтик, но если вы таите какую-то злость или обиду, самое время сейчас в этом признаться.

Сае медленно соединил кончики пальцев. Думал. Ему не нравится, как доктор Дженкинс на него давит, поняла я. А кому бы понравилось? У дяди Эла есть в арсенале такая манера разговора... В общем, сразу чувствуешь себя обжаренной по всем правилам куриной тушкой на блюде. Невероятно раздражает даже меня, ко всему привычную. Что уже говорить о Сае.

– Могу я попросить чашечку кофе? – спросил вдруг Сае.

– Можете, – кивнул доктор. – Судя по всему, кофе для

вашей расы – неплохой иммуномодулятор, иначе варигрипп привёл бы вас ко мне гораздо быстрее. Дес, сварил, пожалуйста, кофе... и мне тоже. Не забудь и про себя.

Я кивнула и пошла в кухонный блок. Кофе хорошо прочищает мозги, а я чувствовала, что мозги мне сейчас очень нужны.

Что-то происходило. Что-то стояло в воздухе, тяжёлое, тревожное, и оно мне крепко не нравилось. Я узнала это чувство, отравившее мне немало солнечных дней в детстве, и мне стало ещё страшнее.

Ещё не ясновидение. Но уже и не безмятежное неведение лишённых паранормального восприятия.

Плохо жить с нераскрывшимся даром, с какой стороны ни посмотри.

Я приготовила кофе – для доктора Дженкинса и для Сае, а потом вдруг поняла, что меня развели как маленькую! Им надо было меня выслать вон, и – выслали! Чтобы я лишнего чего не услышала. Злость окатила меня горячим жаром.

Держат за несмышленного ребёнка!

Элмер Дженкинс – ещё простительно, он такой со всеми практически, даже с мамой умудряется. Но Сае... Вот уж от кого не ожидала.

Обидно!

Я со злости решила заявиться к заговорщикам прямо сейчас, но внезапно увидела картину возле стены. Сразу вспомнила: я тогда принесла её, чтобы показать Сае, и не показав-

ла, к слову не пришлось. Поставила к стеночке и забыла. А теперь вспомнила. Не просто вспомнила, а увидела.

Меня снова запеленало давно забытым страхом, по рукам и ногам, я даже дышать могла через раз.

Когда-то, давно, когда я только-только взяла в руки даже не кисть, а обычный мелок, каким рисуют на садовых дорожках и тротуарах дети... да я ведь и сама была ребёнком тогда. Уже не вспомню, сколько мне было лет, шесть или пять, может, даже меньше. Самым жутким моим кошмаром стали рисунки, которые менялись.

Я вела линию, и она изгибалась волнами, не успев нарисоваться до конца. Я ставила точку, и она превращалась в объёмный шар, и уходила глубоко под землю. Никто из взрослых не видел и не мог понять, почему я кричу от ужаса. Первым, кто меня смог понять, оказался как раз доктор Дженкинс, дядя Эл, и я до сих пор помню его руки, гладившие меня по голове – как раз после очередной такой вот переменчивой картины.

Он же и объяснил мне суть происходящего. И тогда, самыми простыми словами, какие мог понять маленький ребёнок. И позже, когда я стала старше и умнее. Всё дело в моей паранорме, ни в чём больше. В момент создания рисунка я утрачиваю контроль. Значит, что? Учимся держать в узде непокорную силу.

Вот уж я училась.

Но иногда справиться не удавалось. Правда, в последнее

время неконтролируемых всплесков практически не было. И я успокоилась. Забыла. Выкинула из головы. Но кто сказал, что детство не сможет однажды вернуться снова? Порвать все барьеры. Выплеснуться неудержимой лавой дикой мощи...

Картина менялась под моим взглядом, необратимо и страшно. Её нельзя было трогать руками вообще, она уже, собственно, не была картиной в полном смысле этого слова, и я даже не назвала бы её материальным объектом. Чёрная дыра, проступившая из-за горизонта событий, портал в Вечность.

Синяя птица металась над хищными волнами, и её накрывало бездонной глубиной, сквозь которую недобро просвечивало багровое солнце. Птица тонула.

Сае тонул.

Я не могла этого допустить!

А где-то там, словно в другой реальности, за толстой стеклянной стеной, доктор Элмер Дженкинс беседовал с апарие Саернтиком, единственным апарие на всю аркадийскую планетарную локаль и как бы не на весь человеческий сектор Земной Федерации...

– Прошу прощения. Я не знаю, кто вы, и как к вам следует обращаться.

– Доктор Элмер Юджин Дженкинс, первый ранг, федеральный советник первой категории при Законодательном Собрании Аркадийской планетарной локали.

– Не многовато ли для одного странника?

– В самый раз.

Я почти видела лицо Сае. Его усмешку, и острый пронзительный взгляд. Он же болен, он очень болен, варигрипп – коварная болезнь. Большинство из нас подхватывают его в детстве, в лёгкой форме, и то ведь не сахар с медовыми рогадиками. Сейчас на Сае действует лекарство, но он чужак, как долго продлится ясное сознание, какими будут последствия...

Птица почти исчезла под толщей тёмной враждебной воды.

Нет!

Я закрыла глаза, удерживая линии картины в едином поле, не давая им рассыпаться окончательно. Синяя птица, – моя птица, – должна вынырнуть к солнцу! Я смогу. Я справлюсь. Я не позволю...

– Вы понимаете, что я вынужден буду сообщить о вас капитану Снежиной, Саернтик?

– Разве вы ещё не сообщили, доктор?

– Пока нет. Сначала я хочу услышать вас. Вы – здесь – появились намеренно? Ради мести?

– У нас не принято мстить беззащитным. Но с этой страшной женщиной, матерью Десимы, я и не ссорился никогда... Я здесь случайно, уважаемый советник Дженкинс.

Лети, птица. Да не достанут тебя жадные волны. Да напоит твои крылья своею силой штормовой ветер. Лети. Живи!

– Вы говорите правду, Саернтик...

Линии вероятностей дрогнули ещё раз, и застыли, стремительно обретая законченную форму, теперь уже навсегда.

Картина перестала быть трясинной. Просто волны. Просто ветер. Синекрылая птица, уходящая в вышину...

А из меня будто выжали весь воздух. Я взмокла, со всхлипом втянула в себя воздух с густым карамельным ароматом свежесваренного кофе, и поняла, что до этого не дышала. Схватка с картиной заняла какие-то доли секунды.

Упражнение на самоконтроль, заученное в детстве. «Волны гасят ветер...» И пальцы перестают дрожать, а на ресницах больше не копятся предательские слёзы. Я осторожно разворачиваю картину к стене. То, о чём дядя Эл не знает, ему не повредит, верно?

А он не узнает, если я не захочу.

Дядя Эл не станет трогать не предназначенное для демонстрации полотно. Коснулся однажды, давно... я уж и не помнила, чем окончилось, но доктору не понравилось. С тех пор

он спрашивал у меня разрешения, всегда.

Я поставила на поднос чашечки с кофе. Себе не сварила, да... что ж, сварю позже. Когда доктор Дженкинс уйдёт, а Сае, измученный болезнью, крепко уснёт на своём ложе. Главное ведь, картина больше не стронется в пропасть. Она завершена. Окончательно и навсегда.

Так что они выпили кофе, Сае и доктор Дженкинс, похвалили золотые руки хозяйюшки, то есть, мои. Улыбались, но в их улыбках уже не таилась гроза, словно они что-то выяснили принципиально важное друг для друга и с ним согласились оба...

– Всё будет хорошо? – уточнила я. – Сае поправится?

– Разумеется, поправится, – заверил меня Дженкинс.

– А можно, он останется у меня? – выпалила я внезапно пришедшую в голову идею. – Сае, вы останетесь? Тут вас никто не потревожит, а я расконсервирую гостевой блок на первом этаже... там просторно, вам там понравится.

– Я бы рекомендовал вам остаться, Саернтик, – доброжелательно сказал доктор Дженкинс. – Вы нездоровы, вам необходимо лечение... Здесь есть все условия.

– Арест? – усмехнулся Сае.

Его снова начало лихорадить, глаза блестели, и даже на расстоянии я чувствовала исходящий от него жар болезни.

– Ну, что вы, – мягко возразил доктор, – какой арест... Но у вас варигрипп в активной фазе, вы – источник биологического заражения, и выпускать вас с планеты сейчас было

бы крайне опрометчиво, мягко говоря. Карантинной Службе это совершенно точно не понравится, а с карантинниками лучше не связываться, поверьте мне. Вы и так вызвали у них раздражение вашим безответственным поведением: появиться на планете без биоадаптации – такая глупость, право. Лечитесь, поправляйте здоровье, отдыхайте. Потом поговорим. Капитан Снежина появится здесь ещё очень не скоро. Время у вас есть.

Вот в чём преимущество инфосферы. Ты знаешь всё. Кто где находится, кто когда куда летит. Доктор совершенно точно знал, где сейчас находится моя мама, и сколько времени у неё займёт дорога домой. У мамы нет телепатического ранга, но помощники-телепаты, конечно же, есть. Они обязательно есть везде, во всех серьёзных службах.

Пока я снимала с консервации гостевую комнату, я думала. Между доктором и Сае, безусловно, искрило, но по какой причине, так они мне и расскажут, жди. И Сае ведь действительно был неправ, когда уклонился от карантина... Вон ему сейчас как плохо, а могло бы и не быть так плохо!

Я могла бы увидеть сама. Но от одной мысли, что тогда придётся опять иметь дело с переменчивой картиной, началось подташнивать.

Когда я была совсем маленькой, я ведь так и жила, среди бесконечных, подвижных, не имеющих строгой формы блестящих линий. Они окружали меня, они касались меня, пытались проникнуть внутрь и – пугали до невозможности. Са-

мые первые мои детские воспоминания – это ужас, разлитый вокруг, а я под тоненькой плёночкой защиты, такой тонкой и прозрачной, что кажется, будто она порвётся, вот прямо сейчас...

Намучилась со мной мама тогда... Как же, ребёнок без конца кричит и синеет от страха.

Теперь эти линии не имели надо мной власти. Я нашла на них укорот, выливая в картины.. и они почти избавили меня от своего присутствия. Но иногда принимались за старое. Как с синекрылой птицей.

Доктор Дженкинс утверждал, что эти видения, как он говорил, всего лишь часть некорректно пробудившейся паранормы. Но мне всегда казалось, что не очень-то они и видения, а что-то ещё. Часть мира, а не часть меня. Впрочем, я не любила спорить. Спор – это попытка доказать что-то, а зачем доказывать очевидное? Оно само по себе – доказательство. А если кто-то не видит, это означает только одно: кто-то не видит. Не умеет. Или не хочет. И, если честно, не очень-то интересно, почему.

Доктор Дженкинс помог активировать медицинский блок домашней нейросети. Собственно, состояние Сае не требовало срочной госпитализации, если будет соблюдать режим, то вылечится быстро. Ну, а если станет хуже, то скорая помощь окажется у моего дома в считанные мгновения.

– Буду жить, – усмехнулся Сае, выслушав слова Дженкинса. – Хорошо... наверное.

Я его не очень поняла, и решила, что это в нём говорит болезнь. Он уснул прежде, чем мы вышли из комнаты. Я почувствовала.

– Теперь ты, Дес, – доктор цепко взял меня за локоть. – Пойдём.

– Куда? – не поняла я. – Со мной всё в порядке!

– В кухонный блок, – объяснил Дженкинс. – Будем повышать уровень кофе в твоей крови. А то паранормального срыва мне здесь ещё не хватало...

– Какой ещё паранормальный срыв? – не поняла я.

– Тебе лучше знать. Пошли, пошли.

ГЛАВА 5

Упираться было бесполезно, кто я такая против взрослого высокого мужчины крепкого телосложения. Поэтому покорно дала себя увести на кухню.

Кофе у нас умеют варить все, я уже говорила. И дядя Элмер не исключение. Так странно с ним, как всегда. Когда он при исполнении, как вот с Сае, я вижу врача. А когда варит кофе в турке – друг нашей семьи, дядя Эл, тот, кого я знаю с детства...

Тонкий горьковатый кофейный запах с добавлением корицы и стимуляторов. Я знала эту комбинацию, она прямо полагалась мне из-за моей паранормы. Противно, но пить придётся, доктору Дженкинсу виднее. А вот мама любила, пила много и часто именно такой кофе, сама же себе и готовила, добровольно. Но ей иначе нельзя, у неё служба.

– Почему он, Дес? – спросил дядя Эл, ставя передо мной исходящую паром кружку.

– Не поняла, – честно призналась я.

– Ты никого не впускаешь к себе в душу, – объяснил он, внимательно меня рассматривая. – Ты терпишь рядом с собой меня. Ещё – свою маму. И всё. Саернтик – чужой, да ещё и не человек, но ты, тем не менее, приняла его. Почему?

– Он хороший, – ответила я.

– Я бы не сказал, – качая головой, ответил доктор. – Ис-

ходя из того, что нам о нём известно...

– Но он же не вне закона? – спросила я. – Не объявлен в розыск? Не приговорен к смертной казни.

– Боги Галактики с тобой, Дес, конечно же, нет! Иначе он не лежал бы в комнате у тебя дома.

– Этого достаточно.

– Не думаю. Есть поступки, которые по закону, конечно, не караются, нет такой статьи в юридической нейросети «Арбитраж». Но по совести... по тому, какую боль они оставляют... Саернтик может причинить тебе большую боль, Дес.

– Вы же не за меня боитесь, – ответила я. – Вы боитесь, что я как-то сорвусь. И вот это всё, что сидит в моих генах, что не удалось раскрыть и воспитать так, как положено, устроит маленькую локальную катастрофу. Потому и барьер у нашего дома. И, может быть, что-то ещё.

– Дес...

– Всё хорошо, дядя Эл, – устало сказала я. – Я с особенностями, конечно, но я не такая уж дура, и я всё понимаю.

Я держала в руках горячую чашечку с кофе и понимала, насколько заledenели мои пальцы: горячие бока чашки не обжигали, хотя должны были. Мне не страшны ожоги, их в принципе не может быть у человека с «горячей» паранормой, даже с такой слабенькой, как у меня. Но это не мешает чувствовать температуру, а я сейчас её не чувствовала.

– – Неважно, что и у кого когда-то было, дядя Эл. Важно только то, что есть здесь и сейчас. А Сае... он такой... не

знаю... такой... ну, не знаю я... но он не злобный, не злой и не страшный, хоть и апарие, не человек. Несчастный он, может быть. В беде, возможно. Не знаю... мне кажется, мы должны ему как-то помочь.

– А потом?

– Потом он улетит, – пожала я плечами, так странно, доктор Элмер – взрослый, телепат первого ранга, а самого простого не понимает. – У него же крылья, а крылья должны летать.

– А ты, Дес? Что потом будешь делать ты?

– Хороший вопрос, дядя Эл, – признала я. – Но на него так просто не ответишь...

– Почему?

– У меня нет крыльев, – признала я неприятную правду. – Но ведь Сае болен и не может летать...

– Не ладишь ты со временем, Дес, – вздохнул Дженкинс с досадой. – Но, может, и к лучшему, как знать...

– А что такое время, доктор Дженкинс? – спросила я.

Вопрос родился сам собой и сорвался в холодный воздух сам собой, практически без моего участия.

– Хороший вопрос, Дес, – помолчав, сказал он. – А тебе вправду нужен на него ответ?

– Нет, – честно призналась я. – Не нужен...

Пошёл снег. Мягкий, мокрый, он косо ложился на дорожки и клумбы, и тут же таял. Почти как дождь. И только в свете фонарей можно было понять, что нет, всё-таки снег.

Середина осени.

Пора.

Время – замкнутый сам на себя пузырь, плывущий по безбрежным океанам Вечности. Нет прошлого, потому что оно ушло. Нет будущего, потому что оно ещё не наступило. Есть только я, я сама, здесь и сейчас. И рядом со мной есть сейчас дядя Эл и Сае. Мама. И все остальные.

У каждого носителя разума такой пузырь свой, вот сколько есть разумных во Вселенной, столько и времён, по одному на каждого... иногда они соприкасаются, бывает даже, сливаются ненадолго в один, потом расходятся снова. Бесчисленные дороги, линии, судьбы, без начала и без конца, свиваются, разделяются, снова сливаются, и толку оглядываться назад, и смысл смотреть вперёд. Ведь важно только здесь и сейчас, разлитое в универсуме.

Во всяком случае, его ты попробовать на вкус можешь. Всё остальное – нет. Но я не думаю, что доктор Дженкинс, а вместе с ним и вся его инфосфера, понимают. Не потому, что глупы, а потому, что по какой-то причине не могут этого сделать.

Могли бы – давно бы поняли.

Я рисовала падающий снег – он летел над крышами зимнего городка, волшебного, из старых сказок и фильмов. Узкие улочки, красные черепичные крыши – таких сейчас нет нигде, кроме как в исторических и стилизованных под исторические художественных фильмах.

Метель кружила над улицами, танцевала в оранжевом тёплом свете наружных фонарей... а ближе к небу ясно было видно, что это звёзды осыпаются снежной метелью, падают из бархатной черноты глубокого космоса сплошной пеленой, чтобы растаять на газонах и клумбах. И просыпаться яркой алмазной крошкой в океан.

Тихий, спокойный, волшебный мир картины успокаивал и умиротворял. Город под куполом звездопада доверчиво раскрывался улочками, мостами и переходами. Хотела бы я однажды оказаться там?

Нет.

Это не моё здесь и сейчас. Мы соприкоснулись случайно. И подарили друг другу кто умиротворения, а кто защиту.

Когда последний штрих застыл отлившейся в синей краске волной, я почувствовала за спиной присутствие Сае. И удивилась, поняв, что он стоял там давно, смотрел, как я работаю, а я и не поняла ничего. Не поняла, что не одна.

– Очень красиво, – сказал Сае в ответ на мой взгляд. – Вы – талант, Дес.

Болезнь зажгла на его матовом лице багровые пятна. Кажется, моего гостя лихорадило снова.

– Разве вам можно вставать? – усомнилась я.

– Мне уже лучше.

– Не вижу.

– Мне правда лучше, – мягко, но настойчиво повторил он.

– Вам просто неудобно в комнате, одному, – заявила я. –

Но вы ещё болеете, и лучше бы вам всё-таки прилечь. А ещё лучше поужинать. У вас есть какие-то пищевые предпочтения? Или противопоказания.

– Я не хочу доставлять вам неудобства, Дес.

Я лишь рассмеялась:

– Ну, что вы, Сае. Готовить будет кухня, нам надо только тщательно внести в программируемый блок все пожелания. С учётом оставленных доктором Дженкинсом рекомендаций, конечно же. Пойдёмте вниз... вы сможете?

– Смогу, – с достоинством сказал он.

И действительно спустился по лестнице строго самостоятельно, хотя я видела, как его шатает от слабости.

Варигрипп – противная донельзя болезнь. Даже в лёгкой форме она выбивает надолго: слабость, ломота в теле, в ушах звенит. Я подумала, что Сае – невысокий и хрупкий, как все летающие существа, и если он сейчас свалится, я его, пожалуй, смогу поднять и отнести на ближайший диванчик. Но, конечно, лучше будет, если он дойдёт сам. Незачем травмировать и без того раненую гордость звёздного гостя.

Как же он оказался у нас?

Если до пространства, в котором живут его сородичи, так далеко...

Кухня после некоторых мучений с подбором доступных аналогов выдала для начала суп (в графе «название» светилось «на усмотрение пользователя»). Выглядело аппетитно: синий рис, разваренный до состояния «взрыв на фабрике»

– когда крупинки теряют форму, превращаясь в хлопья, кусочки белого и красного мяса, немного рыбы... Я опасалась, что будет пахнуть, как что-нибудь гентбарское, но нет. Пахло аппетитно: вполне себе человеческими специями. Шафран, базилик, красный перец...

Я даже рискнула плеснуть и себе, попробовать. Зря, слишком острое! Аж волосы в колечки завернулись, а во рту случился термоядерный взрыв, и всего от одной ложечки! Но Сае понравилось, уплёл всё в один миг, и ему сразу же стало легче, по глазам видно.

Болезнь с пустым желудком – неудобно, я бы сказала. То ли дело, добрый ужин.

– Отлично, – сказала я. – Сейчас внесём это блюдо в список, и вы всегда сможете заказать его ещё раз. Может быть, вспомните что-нибудь ещё?

– Высокотехнологичный мир, – сказал Сае, посмеиваясь над самим собой же. – Вы даже не представляете себе, Дес, как мало в Галактике таких планет!

– Почему же? Аркадия – так называемый золотой лист по внутренней классификации Федерации. А там десятка четыре наименований... если только человеческие считать. Но есть и другие. Есть Гентбарис, например.

Про Гентбарис я знала, гостили у нас как-то вместе с мамой гентбарцы, недолго, правда. Давно или недавно, я уже не помнила, но зато в памяти задержался их язык, невероятно красивый, поющий, оставивший после себя впечатле-

ние хрустящего морозного узора на припозднившихся последних цветах...

– В Галактике миров куда больше, чем четыре десятка, – ответил Сае. – Самых разных.

– Вы видели их все?

– Не все, и даже не большинство. Жизни не хватит, побывать в каждом из них. Но настолько благоустроенных, как Аркадия, я, можно сказать, не видел вовсе.

– Наверное, вы просто не там летали, – предположила я.

Он внимательно посмотрел на меня, и мне стало от его взгляда слегка не по себе, но потом беспокоящее чувство пропало, Сае снова стал собой.

– Возможно, – сказал он чуть настороженно. – Возможно, я просто летал не там... Дес, скажите. Это важно. Что вы знаете о своей матери?

– Она – военная, – сказала я, пожимая плечами. – Служит где-то в Пространстве. Дома почти не бывает, но скоро прилетит.

– Да уж... – пробормотал Сае. – Что скоро, то скоро... Понимаете, Дес... я не знал, где я оказался...

– Если бы знали заранее, оказались бы где-то в другом месте, – кивнула я. – И умерли бы там от варигриппа. Доктор Элмер не сказал об этом, но ясно же и так: вы заразились не на Аркадии. У нас была эпидемия когда-то, давно, и после неё все случаи – исключительно завозные, никак не затраги-

вающие местное население.

– Вы меня удивляете, Дес, – помолчав, сказал Сае. – Не могу понять, как у... у такой женщины, как ваша мама, могла появиться такая дочь. Контраст... душераздирающий, я бы сказал. С вами как будто... в нестабильной сингулярности. Куда выкинет и как именно сплющит через секунду, ни за что не угадаешь.

Интересно. С сингулярностью меня ещё никто не сравнивал. Там такие красивые графики, в физике пятимерного пространства... Я как-то попыталась нарисовать один такой. Кажется, именно после этой попытки у нашего дома появился защитный барьер. Точно не помню, давно было.

– Вы обиделись, Дес?

– Нет, – удивилась я. – На что обижаться... Наверное, вы правы. А почему у моей мамы появилась такая я, никто не знает. Я должна была стать, как она, но что-то пошло не так. Никто не знает, почему и что именно, даже доктор Дженкинс. Мама – военная, а я – художник. Действительно, контраст, но что тут поделаешь. Так получилось...

– Так получилось... – эхом повторил за мной Сае.

Он сидел, ссутулившись, укрывшись крыльями так, что не видно было рук. Сразу было видно, какой он больной и несчастный. Я не удивилась тому, что он боялся мою маму, её многие боятся, я сама всегда привыкаю первые день-два, когда она возвращается. Но Сае же сам сказал, что с ней не ссорился!

Он бы ушёл, поняла я, наплевав на болезнь, если бы совершенно точно не знал, что тогда мама подумает о нём: испугался. Вот уж кого мама на дух не выносила, так это трусов. Хотя посмотреть ей в глаза решались не многие.

— Мама ничего не сделает вам, Сае, — сказала я. — Я ей не позволю.

Хотела утешить его, и не вышло ничего: он безрадостно рассмеялся:

— Дес, как вы её остановите? Вы не похожи на бойца. Разве что — какие-то скрытые умения... Но и так не сходится: характер у вас совсем не тот.

— А вы считаете, остановить кого-то можно только дракой.

Удивительно, сколько людей — и, как оказалось, не людей, — считают, что эффективное противостояние возможно только через битву. У животных, — возможно, в дикой природе ни у кого нет другого выбора, но мы ведь — носители разума, разве не так?

— Я ничего уже не считаю, — признался Сае. — Я запутался совсем.

— Вы совсем больны. Вам нужно прилечь... Принять лекарство по схеме доктора Дженкинса. Может быть, выпить сок или...

— Воды, — вздохнул он. — Просто воды...

Я всё же отвела гостя в комнату и дождалась, когда он уснёт. Ему было не очень-то удобно в постели, и я подумала, что он, наверное, любит спать, как крылатые гентбарцы,

зацепившись ногами за спальную перекладину и укутавшись в крылья. Надо будет спросить, когда пойдёт на поправку. Сейчас-то какая ему перекладина, ещё свалится с неё и голову разобьёт. Пусть уже как-нибудь потерпит.

Потом я долго стояла у панорамного окна верхней террасы, давным-давно превращённой в художественную студию. Краски, кисти, холсты, готовые картины, наброски... надо бы принести сюда город с красными крышами и птицу... Вот ведь, сразу не сделала, потом забуду. И выйдет от этого какая-нибудь отменная дрянь. Картины всё же лучше держать в отведённом для них месте, а не разбрасывать по всему дому.

Но я стояла неподвижно и смотрела сквозь окно на снег, так и не сумевший набрать должной крепости. Он падал и падал, падал и таял, косые струи переливались в тревожном оранжевом свете фонарей. Ливневой снег, вспомнилось название. Можно выйти наружу, и он умоёт лицо как проливной дождь.

Уходить не хотелось. Ничего не хотелось. Потому что я думала о маме.

Она любила меня. По своему, как могла и как умела. Всегда возвращалась сюда, в наш дом, ко мне. Я знала, что ко мне. Сам дом не вызывал у неё каких-то особенных чувств. Её дом был там, где люди. Равные ей. Где-то в Просторе, на боевых кораблях, которыми она командовала. Она возвращалась и приносила с собой звёздный ветер, напоенный сви-

репыми битвами и пылью сгоревших солнц. Где-то там, на лезвии мира, пылало пламя далёких войн. И ни одна из них не докатывалась до Аркадии, потому что на их пути вставала моя мама.

Косые струи мокрого снега сложились на миг в её образ. Суровое лицо, пронзительный взгляд, короткие волосы, руки на поясе.

Жалела ли я о том, что не могла повторить мамин путь?

Струи ливневого снега то расходились, то вновь сходились, образуя мамину фигуру в броне, но без шлема. Вот выются на ветру короткие волосы, и в них – огонь, призрачный, невидимый, чёрно-белый, как метельный вечер. Когда я была маленькой – чётко вспомнилось – я очень боялась такого огня. Подниму, помню, руку, поднесу к глазам, а пальцы в огне. И всё вокруг в огне, горит и не сгорает, ух, страшно-то как. Если включить свет, огонь пропадёт, затаится до поры, а потом снова вспыхнет.

Но тогда было детство, совсем маленький возраст, а сейчас-то что, чего мне бояться? Ведь это моя мама, она любит меня, и я люблю её.

Снег растворился в темноте позднего вечера, видно, заряд прошёл. Теперь накрапывал просто дождь, осенний, морозящий. И никаких фигур в нём мне больше не казалось, ушёл и страх, так же внезапно, как и появился.

Утро выдалось сырым, ненастным и ветреным, снова срывался снег. Мне не понравился подогрев дорожек, и я взя-

лась с помощью управляющей нейросети дома тестировать систему. Провозилась долго, зато смутные ощущения неправильности отлились в список замены деталей и заявку технической службе города не только на обслуживание тёплых дорожек, но и вообще по системе обогрева в целом.

Сае почувствовал себя значительно лучше, видно, лечение доктора Дженкинса помогло. Я сварила кофе нам обоим, и мы сидели на веранде, смотрели, как снова начался дождь и молчали.

Мне нравилось наше молчание. Оно было каким-то объёмным, что ли. Правильным. Зачем расспрашивать и лезть в души друг к другу с абордажными крючьями, когда можно просто молча сидеть рядом, отдавать своё тепло и чувствовать его тепло в ответ. Мне даже захотелось нарисовать такое молчание. И, чуть погодя, оно отлилось в картину: два силуэта в полумраке веранды, а снаружи мягко сыплет мокрый снег, звёздами растекающийся по лужам, оранжевым от света уличных фонарей...

ГЛАВА 6

Выставка для меня – сущее мучение. Каждая картина, даже самая неудачная – часть меня, часть моей души, и отдавать её в чужие руки... Я смирилась, за долгие годы. Я очень хорошо понимаю, что дом не резиновый, и собирать в нём старые, застывшие, картины, – идея неправильная и даже глупая. Но вот не люблю я выставки эти. Глаза б мои не видели, хотя моё участие в них минимально...

Два самых мучительных момента из всего: отобрать полотна и лично явиться в экспофорум, чтобы завизировать открытие павильона. Плюсы здесь, конечно, перевешивали минусы: я отбирала картины строго сама, я следила за их размещением и – не знаю, как, не знаю, почему, не знаю вообще, – моё кратковременное присутствие на открытии словно бы запечатывало события. Картину могли приобрести только те, кому я бы сама её доверила. Все остальные промахивались мимо. Мыкались по огромному комплексу, спрашивали про художницу Снежину, ради которой прилетели чуть ли не из-за края Вселенной, и не находили ничего.

Доктор Дженкинс объяснил, что так работает моя паранорма, но каким-то не очень уверенным голосом. И я поняла, что ни он сам, ни его инфосфера коллективно, толком не понимают, как же так получается и почему.

– Чем-то схоже с работой врача-паранормала, – объяснял

доктор Элмер. – Ты каким-то образом отсекаешь неудобные пути, Дес. Как целители. Они ведь тоже ведут пациента мимо тех дорог, на которых его поджидает смерть... Собственно, твоя паранорма и медицинская из одного спектра, ничего удивительного...

Может быть, и так. Я не могла понять паранормальную физику, хотя пыталась. За сотни лет разработки паранорм у Человечества был накоплен изрядный опыт, подмечены закономерности, выведены законы... Но я не могла их осилить: не хватало интеллекта. Пыталась много раз, заходила с самых разных сторон, брала обучающие курсы, – не помогло. Как говорится, девственный снег моего невежества так и остался незапятнанным.

Но ведь в ряде случаев понимание и не требуется.

Я не хотела, чтобы мои картины попадали в руки недостойных, и они не попадали им в руки. А как именно это происходило с точки зрения науки разве так уж важно? Главное, результат, разве не так?

Но мысль о том, что скоро надо будет ехать в экспофорум, отравляла мне жизнь задолго до самой поездки. Я ещё никуда не съездила и ничего не сделала, а уже устала так, будто катила огромный камень в гору не первый день.

– Я могу съездить в экспофорум с вами, Дес, – сказал Сае, с которым я поделилась проблемой.

Случайно вышло. Он увидел, как уходит машина с моими картинами. Стал спрашивать. Слово за слово, вот и ска-

залось.

Болезнь уже не пожирала заживо моего удивительного гостя. Он перестал быть переносчиком заразы, о чём доктор Дженкинс не преминул объявить. То есть, с прогулок по Алополянску и вообще в пределах планеты запрет был снят. Но последствия: слабость, быстрая утомляемость, – всё ещё оставались, и летать на своих крыльях доктор не рекомендовал категорически.

– Не хватало ещё, – сказал Дженкинс ворчливо, – чтобы единственный на весь этот сектор пространства апарие свалился замертво на чью-нибудь крышу. Или утонул в океане. Похороним, конечно, по чести, но лучше бы обойтись без катафалка!

У меня руки задрожали при одной только мысли о том, что Сае может умереть. Как это? Он – и вдруг умрёт?! Солнце продолжит светить с неба, волны продолжат набегать на берег, будет дуть ветер, идти снег, упадут морозы, а Сае – не будет? Какая жуть!

Элмер Дженкинс остро взглянул на меня, но при Сае ничего не сказал, и я с тяжёлым сердцем стала ждать очередного разговора по душам. Через пару дней дождалась.

– Мне кажется, или ты влюбилась, Дес? – с обычной мягкой доброжелательностью поинтересовался он за чашечкой кофе.

Я поперхнулась горячей ароматной жидкостью и обожглась, впервые в жизни.

– Почему вы так думаете, дядя Эл?

– Опыт, – ответил он, слегка улыбаясь. – Я видел, как выросли мои дети... и, знаешь ли, не заметить сходства между ними тогда и тобой сейчас – это надо очень постараться...

Я подумала, что не помню почти никого из младших Дженкинсов. Возможно, они все родились раньше меня и уехали из Алополянска прежде, чем я подросла достаточно для того, чтобы их заметить...

– Не знаю, – сказала я, отвечая на вопрос. – Не думаю... Любовь, она ведь предполагает присвоение... Об этом все и всегда говорят, это показывают во всех развлечениях, и в документальных видео об исторических персонажах – тоже. Если любишь, значит, объект твоей любви должен быть рядом, и хоть небо тресни.

– А с тобой это разве не так?

Коварный вопрос, настолько коварный, что даже почти смешно.

– Нет, конечно, – ответила я убеждённо. – Со мной не так...

Крылья должны летать. И подвешивать к ним тяжёлые гири в виде так называемой любви – преступление. Но этого я доктору Дженкинсу не рассказала, а он не стал спрашивать. Впрочем, я знала, о чём он беспокоится. О моей спящей паранорме, будь она неладна.

Давно доказано, что при сильных душевных волнениях

скрытые способности дают мощный разрушительный выброс. И чем слабее контроль над ними, тем сильнее выброс. А у меня, можно сказать, никакого контроля не было никогда, потому что самой паранормы, считай, что не было вовсе. Картины не в счёт. Между тем, геном содержит весь, положенный для пирокинетика высшего класса, набор. Все мои сверстники с той же генетической линией состоялись как отличные паранормалы, одна я – гадкий утёнок, из которого не пойми, что ещё вылупится: то ли лебедь, то ли гора трупов. Потому и барьер.

И вот после того разговора с доктором Элмером Сае предложил сопроводить меня на открытие павильона в экспофору.

Его крылья покрылись коротеньким светлым пушком, – реакция на холод, как он объяснил мне; это нормально, – и теперь приобрели оттенок холодноватого, с осенней проседью облаков, неба... Сае стал ещё красивее, чем был, может, потому, что уже не болел. Здоровое существо, хоть разумное, хоть нет, всегда выглядит красиво, если не чувствует недомогания или боли...

– Если не хотите, Дес, то я не настаиваю, – сказал Сае, неверно оценив моё молчание. – Простите, что побеспокоил.

– Что вы, никакого беспокойства, – ответила я. – Если вам нетрудно, буду рада.

Я всегда приходила в экспофорум глубокой ночью, когда комплекс закрывался для всех посетителей. Подозреваю, из-

за меня, и благодаря доктору Дженкинсу. Детали меня не интересовали, куда важнее была очень низкая вероятность по-встречать кого-то незнакомого.

Эти гулкие коридоры. Ночная тишина и неподвижность. Никого на все этажи, сверху донизу. Леденящее одиночество, ничем не напоминавшее тёплое пространство родного дома... Я обрадовалась, что в кои веки раз попаду сюда не одна.

– У вас талант, Дес, – сказал Сае, рассматривая картины, занявшие свои места. – Но вы как будто тяготитесь своим даром, разве нет?

– Вы случайно не телепат, Сае? – помолчав, спросила я.

– Нет.

– Это хорошо...

– Не любите телепатов?

– Как вам сказать, – я сунула руки в карманы куртки. – Вот доктор Дженкинс, у него первый ранг. Я его уважаю и люблю, он давний друг нашей семьи, но... как бы сказать...

– Побаиваетесь, – подсказал Сае.

Он удивительным образом меня понимал. Как будто был таким же, как и я, хотя, конечно, не было у него пирокинетической паранормы. Я бы почувствовала, если бы была.

– Именно. Побаиваюсь. И вот они все такие, как он. Все они.

– Вы много телепатов видели, Дес?

– Не знаю... не помню... да ведь неважно, Сае! Каков

один, таковы и другие. Разве что те, кто на третьем ранге, у кого интеграция в инфосферу слабая, они – да, отличаются в лучшую сторону... А у апарие есть инфосфера?

– Есть. Не такая мощная и развитая, как у Федерации, но есть.

– Почему вы не там?

Теперь пришла его очередь молчать.

– Надо учиться, – ответил Сае наконец. – Это сложно. Потом надо держать экзамен, а это ещё сложнее. Я не захотел.

– Но если паранорма есть, её нельзя оставлять без внимания...

– Проверяли, – неохотно ответил он. – Проверяют всех. Но не нашли ничего. В нашей семье никогда не рождались телепаты... Можно поставить имплант, телепатия легко адаптируется для бионических устройств коммуникации, так же, как и у Человечества. Но я не захотел.

Я не стала спрашивать, почему он не захотел стать телепатом и влиться в инфосферу своего народа. Не захотел, значит, была причина. А я, даже если сильно захочу, просто не смогу: все виды психокинеза при генетическом программировании не совместимы с телепатией. Кроме целителей, где была найдена золотая середина, да и то, если целитель начинал усиленно развивать себя в сторону повышения ранга, психокинетическая составляющая его паранормы угасала. Не до полного исчезновения, конечно же, но значительно. Поэтому среди врачей-паранормалов не было при-

нято рваться на вершину ментального олимпа. Хотя, конечно, каждый решал этот вопрос для себя сам. Кто-то уходил в инфосферу. Кто-то отказывался от преимуществ телепатии полностью. Но большинство останавливались на середине.

Учёные-биоинженеры причину такой несовместимости до сих пор не знают сами. Я пыталась, опять же, воспринять последние достижения научной мысли в этом направлении, побилась головой о стенку собственного невежества, и сдалась. Не та у меня подготовка. При желании, можно было, конечно, разобраться. Терпение и труд, которые, как известно, всё перетрут. Но биоинженера, тем более, профессора репродуктивной медицины, из меня всё равно не вышло бы, так что оно того не стоило.

– Давайте пройдем наверх, – предложила я Сае. – Я вам покажу, почему этой осенью у нас в Алополянке так много туристов. Обычно сезон заканчивается с закрытием парусной регаты, но никто с планеты не улетел, и прибывают ещё новые.

– Вы меня заинтриговали, Дес, – ответил он. – Покажите. От нашего павильона вверх уходил широкий пандус перехода на большую обзорную террасу. Мы шли, и под ногами слегка похрустывало: днём пролился короткий дождь, а к ночи подморозило. Слабый ветерок обдавал щёки приятным холодком...

– Вам не холодно? – спохватилась я, вспомнив, что мне-то слабый морозец нипочём, из-за паранормы, а вот Сае мог

простыть и заболеть снова.

– Не беспокойтесь, Дес. Я посмотрел погоду прежде, чем поехать с вами...

Глубокой ночью жизнь в Алополянске замирает, всё-таки наш город сложно назвать туристической жемчужиной, работающей без оглядки на смену дня и ночи. Он знаменит парусными регатами, но все традиционные развлечения для гостей планеты располагаются дальше на восток по побережью. Там есть Снежанск со знаменитыми гоночными трассами. Есть Огневое, рядом с действующим вулканом, центр экстремальных видов спорта. Да много чего ещё есть... и практически все туристы отправляются с орбиты именно туда.

На террасе никого не было. Осветительные панели зажигались под нашими ногами и тут же гасли, чтобы не портить вид на небо лишней засветкой. Телескопы уже стояли на своих местах, отключенные до поры и укрытые защитными чехлами.

Я безошибочно нашла среди прочих звёзд Лазурную. Голубой гипергигант, чьи пышные похороны скоро окрасят небо в фантастические цвета космической смерти...

– Смотрите, Сае. Синяя звезда почти в зените... Она уже мертва. Умерла много лет тому назад, превратилась в сверхновую. Но свет её гибели придёт к нам только сейчас. Этой осенью. В информе можно посмотреть прогнозируемое начало... Ради этого и собираются в наших городах несметные

толпы.

Он долго молчал, смотрел в небо. Потом сказал, чуть грустно, с лёгкой усмешкой:

– Не хотел бы я, чтобы финал моей жизни превращали в карнавальное посмертие.

– Мы не звёзды, Сае, – заметила я.

– Это верно.

– А я думаю... Вот так живёшь, как Лазурная на этом небе, и не знаешь, что давно уже умерла. И все ждут... последней вспышки. А её всё нет и нет, и скорей бы уже появилась, потому что ожидание утомляет.

– Но вы ведь живы, Дес, – сказал Сае, касаясь моего плеча кончиками пальцев.

Я прикусила язык. Сболтнула лишнего, а, спрашивается, зачем? Зачем ему это надо, звёздному страннику? Он появился здесь случайно и ненадолго. Как появился, так и уйдёт, так же случайно, но – уже навсегда. У горько-морозного ощущения была повелительная ясность предвидения. Он уйдёт, а я останусь, чтобы помнить его.

– Неважно, Сае, – ответила я, отстраняясь и обхватывая себя за плечи. – Я ведь не о себе...

Слишком близко. Вот в чём дело. Слишком близко я его к себе подпустила. Доктор Дженкинс спрашивал, не влюбилась ли я, а я решила, что не стану нагружать крылья гостя камнями своих чувств. Кто бы мне объяснил тогда, насколько сложно будет удержаться!

Когда тебя понимают. Когда молчат с тобою вместе и когда говорят. Мне ни с кем ещё не бывало настолько спокойно, как сейчас с Сае. Он видел меня. Он меня слышал. Достаточно для счастья, я считаю.

Неподвижный безветренный воздух, наполненный солёными запахами океана. Темнота, тишина, холод. Мир в круглом шаре из бархатно-звёздной тиши...

Я забыла, что нахожусь не дома, за что и поплатилась тут же.

Снизу поднялась на террасу весёлая компания, и будь я одна, они бы просто прошли мимо, правильно не заметив. Но я была не одна, а на нас двоих паранормального щита не хватило. Потому что я всегда пользовалась им почти бессознательно и не умела прикрывать кого-то ещё, кроме себя. Навыкам пассивной защиты учат на специальных курсах, но только людей с активной паранормой. Меня бы туда не взяли при всём желании. Оно как-то проявлялось у меня само по себе: я не хотела, чтобы меня замечали те, кому не надо, и они меня не замечали. А объяснить, как именно так получается, я не смогу никогда, даже доктору Дженкинсу...

Но нас было двое, и весёлая компания ожидаемо к нам прицепилась:

– О, девочки!

– Привет, девчонки!

– Познакомимся?

Туристы. Люди, в смысле, представители Человечества.

Молодые парни. Им хорошо, только девушек для полного счастья не хватает. А невысокого Сае с его крыльями, сложенными в виде плаща, легко принять впотьмах за девушку...

– Пойдёмте отсюда, – шепнула я своему спутнику. – Быстро!

– Почему? – не понял он. – Мы были здесь первыми, и нападаем не мы.

– И они не нападают, только дурачатся. Пойдёмте же! Пока до беды не дошло...

Ах, если бы мы ушли сразу! Но мы замешкались, и стало слишком поздно.

Пятеро. Полукругом впереди, а сзади нас – парашют, и вниз до фатального соприкосновения с землёй несколько десятков метров, и Сае нельзя летать, он ещё слаб после болезни. Мне стало очень нервно, я не люблю, не люблю незнакомые лица, даже одно вынести сложно, а тут их было пятеро. Громкие. Шумные. Весёлые. И не уговоришь их. Не объяснишь. Они глухие, они не услышат, не поймут ничего. Не успеют.

Страх пеленал меня плотным коконом. Что-то будет!

Я сама не заметила, как оказалась у Сае за спиной. Он был меньше меня ростом и тоньше. Но он слегка распахнул

крылья, и сразу же словно вырос чуть ли не вдвое. Пятерым крепким парням полагалось бы смотреть сверху вниз на хрупкого апарие, но вышло ровно наоборот. Впечатляюще, я бы сказала.

– Уходите, – холодно, чётко выделяя слова, выговорил Сае. – Пожалуйста, уходите.

Может, будь наши противники старше или трезвее, они бы и вправду ушли. Но им вряд ли исполнилось больше восемнадцати или даже семнадцати, они явно пользовались успехом у девушек – были все, как на подбор, статные и красивые, может, даже из какой-то военной школы, таких всегда девчонки любят... во всяком случае, такой сюжет часто показывают в любовных развлекалках... и тут вдруг с разгона налетели на отказ... Обидно!

– Да ладно тебе ломаться, красивая! – парень так и не понял, что перед ним вообще не девушка.

Он протянул руку, взять Сае за плечо – нет, о насилии он, в силу природной глупости, не думал, просто ему захотелось, опять же, по глупости обозначить, кто тут главный. И получил крылом по лицу – свист, удар, звук упавшего на пятую точку тела.

– И не вставай, – посоветовал ему Сае, держа крыло острым краем к поверженному.

Вдоль кромки летательного полотна разгоралось злое багровое сияние.

ГЛАВА 7

– А, так ты мод, – обрадовался парень, отнимая руки от лица.

Через переносицу у него вспухала багровая полоса, в точности повторявшая зигзагообразный край крыла апарие. Не рана, нет. Ушиб. Даже удивительно, что после такого у дурака нашлись силы подняться...

– Стефан, не надо! – сразу двое из компании попытались образумить друга. – Стефан, пошли отсюда лучше.

– Идите, если так уж дрожите, тряпки влажные! – огрызнулся Стефан, вскидывая кулаки, мгновенно окутавшиеся алым пламенем пирокинеза, и кивнул Сае. – В эти игры отлично получается играть вдвоём, не находишь?

И тут мир натянулся, как струна, зазвенел и лопнул, распадаясь на множество линий, как в паранормальном скане.

– Нет! – закричала я – Нет, нет, нет!

Но напрасно было теперь всё. Линия Сае осталась на месте, линия Стефана скользнула по касательной, сначала заворачиваясь в спираль, а затем разжимаясь, уходя куда-то в сторону и там теряясь.

Я знала уже, что это такое. Незастывшая картина, только не в красках, а в чужих судьбах. И нет, не про повернувшее вспять время. Время обратного хода не имеет даже для таких, как я. Новый узор вместо прежнего, новые связи, новые

изгибы, новые... дыры... Нет!

Не хочу!

Не надо!

И линии вновь приходят в движение.

Остановитесь!

Не хочу!

Новый пазл – вместо старого.

Нет.

Паранормальное зрение ушло так же внезапно, как и возникло. Картина... застыла. Так, как сложилась. Теперь уже навсегда.

Я обнаружила, что цепляюсь за Сае, как утопающий за последнее средство спасение, а он спрятал меня в свои крылья. Укрыл от всего

От полицейской сирены. От страшных голосов снаружи.

– Молодёжная драка... есть пострадавшие...

Реальность воспринималась рвано, обрывками. Так бывает, когда стоишь на высокой скале, а внизу проплывают ослепительно-белые облака, и иногда облачный покров рвётся, открывая окна в нижний мир... Вот синяя гладь беспокойного океане... вот идущий галсами против ветра яркий спортивный парусник... вот кусочек берега... а вот всё скрылось и снова перед глазами плотная, не проницаемая для взгляда, пелена.

– Тысяча галактических чертей, да это же Десима Сне-
жина!

Мне кажется, или в голосе полицейского отчётливый испуг? Чего он боится, ведь всё уже закончилось, застыло, всё уже, всё...

... ну почему именно в моё дежурство...

... Так это та самая Десима?!

... угу, она... за что мне это?! Именно мне?

– Вызовите доктора Элмера Дженкинса. Немедленно.

Голос Сае надо мной, непрекаемый и властный, я никогда не слышала, чтобы он разговаривал так... а теперь услышала.

Всё когда-нибудь случается в первый раз.

– Уже вызвали. Держите её, пожалуйста, держите. Вроде у вас получается... Что за день!

Тишина. Темнота. Бархатное тепло – крылья у Сае изнутри нежные и мягкие, как огневой шёлк из Зеленодола... Я закрыла глаза и вбирала родное тепло всем телом, не в силах пошевелиться и нарушить застывшее время. Субъективно минула вечность, не меньше, прежде, чем я услышала голос доктора Дженкинса. Он назвал меня по имени:

– Дес. Выбирайся на волю, здесь уже никого нет.

Совсем никого? Я всё ещё чувствовала чужое присутствие, и не очень поверила.

– Никого, Дес, никого, – успокаивающий уверенный голос, знакомый с детства. – Только ты, твой крылатый друг и я.

Выглянуть из-под уютного крыла я рискнула не сразу. Но прятаться всю жизнь ведь не будешь. Да и приступ уже уходил: вокруг реально не было никого чужого, паранормальное восприятие показывало это чётко.

– Вам не надоело, Дес? – спросил Сае, отводя крылья за спину.

Холодный ветер от движения крыла смёл с лица чёлку, и я вспомнила зловещее алое свечение по самой кромке летательной конечности. Сейчас не светило ничего. Не паранорма, я бы почувствовала сразу. Нет... скорее всего, какой-то боевой имплант.

– Что? – не поняла я вопроса, который догнал моё бедное сознание не сразу.

– Не надоело дрожать каждый раз, когда вы сталкиваетесь с внешним миром?

– Не так резко, Саернтик, – предупредил Дженкинс. – Девочка всё ещё в шоке...

– А вам не стыдно?

– Мне?!

– И вам лично тоже.

– За что?

– Я никогда не поверю, – холодно заявил Сае, – что цивилизация, создавшая мощную инфосферу, объединившую теплепатов различных рас, восемь веков развивавшая ментальные технологии, не придумала ничего, способного купировать проявления вторичного аутизма, обусловленного нестабильной паранормой.

– На самом деле, решение есть, – медленно выговорил доктор Дженкинс. – Экспериментальное – пока! – но – вполне перспективное. Просто данных всё ещё недостаточно, но рискнуть можно.

– Тогда какие проблемы?

– Капитан Мора Снежина, для начала. Десима – её дочь.

Они говорят обо мне в третьем лице, поняла я. Как будто я вещь или меня здесь нет. Но я же есть. Я живая!

А тогда зачем ты устроила то, что устроила? Могла ведь не тащить Сае на крышу, прекрасно зная, что тут кто-нибудь да появится, так или иначе: туристический сезон в разгаре. Показала бы Лазурную с крыши нашего дома, её оттуда прекрасно видно. Нет, вышла в мир. Зачем? Чтобы нарваться на неприятности и кого-нибудь покалечить? У меня не нашлось ответа.

– Так, друзья, – решительно заявил Дженкинс. – Возвращаемся в дом. И продолжаем беседу там. Здесь не место и не время.

Не поспоришь. Поэтому я позволила себя увести, но всё равно спотыкалась и оглядывалась. Что-то осталось на этой

площадке такое. Что-то, чему я не могла подобрать слова. Но оно ушло из меня и осталось там. Разбилось. Растеклось. Не склеить и не собрать. Ощущение потери казалось настолько объёмным и горьким, что на глазах сами собой вскипели злые слёзы. Я не дала им пролиться, не хватало ещё, чтобы Сае видел, насколько я раскисла. Но они всё равно катились внутри меня...

Позже, вспоминая случившееся, я поняла, что оставила за спиной собственное беззаботное детство.

Вопрос Сае «вам не надоело дрожать, Дес?» упал точно в центр застывшего в полном безветрии ночного пруда. И по гладкой поверхности начали расходиться круги, искажая точное отражение звёздного неба на водной глади. Пока безобидные и слабые, но что будет, когда они ударят в берега, ни понять, ни спрогнозировать я тогда не сумела.

Потом мы пили кофе, втроём. Кофе сварил доктор Элмер. Я не посмела послушаться. Хотя больше всего на свете мне хотелось сейчас упасть в постель, сунуть голову под подушку и решить, что меня больше нет.

– Вообще говоря, – сказал Дженкинс, – вам, Саернтик, вовсе не обязательно вовлекаться во всё это. Да, одна очень сложная девочка почему-то доверилась вам, чужаку, да ещё и не человеку, но вас это ни к чему не обязывает абсолютно.

– Хотите выставить меня с планеты? – понимающе усмехнулся Сае.

Он поставил локти на стол, сцепил пальцы и положил на

них подбородок. Какой человеческий жест, однако! Во мне шевельнулось слабое желание его нарисовать. Прямо сейчас. Получилось бы хорошо... наверное...

– Молчи, Дес, – строго велел мне доктор Элмер. – Кто-то недавно рассуждал о присвоении... а теперь вроде как готов поступиться собственными же словами.

Я проглотила возмущение, живо вспомнив недавний разговор про любовь. Проклятье, а ведь со стороны выглядело именно так!

– Выставлять вас с планеты никто не будет, Саернтик. Но если вы решите... улететь сами, препятствовать вам мы не станем. В конце концов, это не ваша жизнь и не ваша беда, вы здесь случайно.

– Я останусь, – немедленно заявил Сае, ни на мгновение не задумавшись.

О, как я была благодарна ему за такое стремительное решение!

– В таком случае – опять же, вы не обязаны, – не согласитесь ли вы на время стать моим помощником? С оформлением на временную должность младшего медицинского сотрудника по всем правилам.

– Без телепатии, – непримиримо заявил Сае.

– Без неё, – заверил Дженкинс. – Но если вы всё-таки откажетесь, тогда вам придётся покинуть дом Снежиных. Вы уже здоровы, не являетесь распространителем заразы, можете жить, где угодно...

– Я останусь. Или уйду. Но только если этого захочет сама Дес. Всё, что вы пожелаете, Десима. Как пожелаете.

Прямое обращение застало меня врасплох.

– Я не хочу цеплять к вашим крыльям гранитные камни, Сае, – начала было я.

– Это не камни, – отмахнулся он.

– Тебе ведь надоело дрожать, не так ли, Дес? – вернул доктор Элмер слова Сае, сказанные на той площадке, будь она неладна.

– Знаете, дядя Эл, – задумчиво выговорила я, – наверное, да. Надоело. А... те парни... никто не умер?

И замерла, ожидая ответа. Вот мне сейчас скажут, что я убила. Да, не осознавая себя, со страху, но убила же. Как потом с этим жить?

– Нет. Никто из них не умер, Десима.

Вот когда отлегло от сердца! Серьёзно, даже легче стало дышать.

– Я хочу... хочу научиться, – сказала я. – Хочу перестать... бояться... и калечить людей. Но... что скажет моя мама? Она ведь скоро вернётся...

Сае чуть усмехнулся, и я вспомнила, как он называл маму «страшной женщиной». И добавил, что он с ней не ссорился... Не поладят они, обречённо поняла я. Мама не потерпит. А сам Сае... Я вспомнила, как он укрыл меня крылом, и готов был ввязаться в драку без рассуждений. С пирокинетиком, а они же все военнообязанные и драться их с детства

учат. И меня учили, только с меня толку никакого не вышло, оно и понятно, почему.

Доктор Дженкинс свёл кончики пальцев. Думал, говорить или не говорить... Я видела.

– Что-то случилось? – острый укол тревоги за маму едва не подбросил меня на месте. – Что-то случилось с моей мамой?!

У мамы такая профессия, что случиться может, что угодно. Я никогда об этом не задумывалась, а стоило бы. Может, теперь не холодели бы так вспотевшие со страху ладони.

– Ничего не случилось, – мягко выговорил Дженкинс. – Просто она... как бы сказать. Получила очень выгодный контракт, от которого не смогла отказаться. Полагаю, капитан Мора Снежина вернётся домой позже. Возможно, к середине зимы, на Снежные Горки.

– Она не присылала мне письма... – растерянно выговорила я, проверив почту на личном терминале.

– Пришлёт ещё, не волнуйся, – уверенно сказал Дженкинс. –

– Вообще-то у нас за такое бьют обувью, – неодобрительно высказался Сае. – С ноги и из воздуха!

– А у нас, – медленно выговорил доктор, – говорят иногда: вам шлем с функцией дополненной реальности или всё-таки в реальности ехать? Саернтик, ещё раз: вы можете отказаться. Вы – гость, проблемы Десимы – не ваши проблемы. И с Морой не встретитесь, уж мы позаботимся об этом.

– Умеете вы мотивировать, – сухо ответил Сае. – Но я уже сказал, что остаюсь. Сколько ещё раз мне повторить то же самое, чтобы вы перестали переводить попусту моё и ваше время?

Я молчала. Не то, чтобы я потеряла нить разговора, но... Я, кажется, поняла, о чём говорил Сае: мама получила новый контракт, но о моих проблемах ей не сообщили, дождались, когда она контракт завизирует. А теперь она не может нарушить свои обязательства без серьёзных последствий. И когда до неё дойдёт, что в доме что-то не так, вернуться она не сможет, во всяком случае, быстро. Что-то подсказывало мне, что новый контракт уведёт маму ещё дальше от аркадийской локали, чем нынешний.

Проход сквозь гейт пересадочной станции мгновенен, но манёвры в пространстве требуют времени. К Аркадии невозможно выйти напрямую из дальнего космоса, только через пояс дальних пересадочных станций, на периферии нашей планетарной системы. И воспользоваться прибывшему извне кораблю внутренней системой пересадок тоже нельзя: добро пожаловать на пассажирские рейсы... Всё это время. Дни. Недели.

Доктор Дженкинс опасается конфликта с моей мамой. Мне самой становится нехорошо, стоит только представить себе, как она смотрит на меня – осуждающе и с укором. Но она ведь порадует за меня, когда увидит, что я умею держать себя в руках и никого больше не боюсь? Мама меня лю-

бит, вне всяких сомнений. Она, конечно, обрадуется...

– Дес, – сказал доктор Дженкинс, касаясь кончиками пальцев моей руки. – Теперь тебе нужно вспомнить всё, что произошло только что. Это важно. Это поможет... – он запнулся, но тут же продолжил, – поможет тебе самой в том числе.

– Хотите прочитать моё сознание? – напряглась я.

– Только то, что ты сама пожелаешь показать. Мы понимаем, тебе нелегко. Но всё же придётся пережить немного неудобства. Ради твоего же блага, поверь.

Поверь. Элмер Дженкинс, – дядя Эл, чёрт возьми! – никогда меня не обманывал, но на первом ранге твоя голова тебе уже не особо принадлежит, а к тем, другим у меня доверия особого не было никогда. Хотя они тоже не причинили мне никакого вреда, если вдуматься... А ведь могли, наверное.

Пришлось вспоминать. Всё, заново. Как Сае предложил поехать вместе со мной в павильон. И как я решила подняться наверх, показать ему Лазурную. И как появились те, пятеро. И что случилось потом.

Потом я сидела, держала руки на столе, хорошо запомнился контраст между тёмной деревянной столешницей и моей кистью. Красивое сочетание цветов, но не очень живое, и нарисовать я бы не взялась. А вот запомнить – запомнила. Сае приобнял меня крылом, и я снова чувствовала упругую, сильную нежность и, может быть, именно поэтому те линии, скрутившие нападавшего на Сае пирокинетика, не ожи-

ли снова, остались застывшей картинкой из блестящего металла.

– Очень чёткий паранормальный скан ситуации, – сказал Дженкинс. – Дес, возможно, тебе придётся поучиться какое-то время в медицинском колледже.

– Стать врачом? – спросила я невесело.

Какой из меня доктор. Смешно же.

– Нет, эта профессия тебе по психопрофилю не подходит, к сожалению. Но базовые навыки пригодятся, контроль, опять же, в учебных заведениях паранормальной медицины всегда ставят самым лучшим образом. Не в армейские же обучающие курсы тебя отдавать! Вот уж где совершенно точно нечего тебе делать...

Тут я согласилась безоговорочно. Какая из меня армия... Хотя мама, наверное, одобрила бы.

– ... необратимо. Пиронейронная сеть не просто повреждена, она отмерла полностью. Впервые такое вижу.

– И что теперь?

– Юноша утратил паранорму безвозвратно.

– Восстановить никак нельзя?

– Невозможно. Ему придётся учиться жить, как обычному человеку. Как натуральнорождённому...

Я просидела на камне у океана до утра. Осенью солнце поднималось из-за гранитной скалы, а не из-за крыши дома, но сначала небо светлело, из бархатно-звёздного превращаясь в синевато-звёздное, а потом уже и в голубое, с оранжевой и лиловой полосой зари. Звёзды постепенно угасали, кроме Лазурной, которую хорошо было видно и на дневном небе.

Ветра не было, стояла звонкая, приправленная морозцем, тишина, и волны не бросались на пляж, в яростной надежде сокрушить его уже наконец, а смирно лизали берег, тихо шипя.

Вместо страха пришёл покой, вместо смятения – безмятежность нового дня. Я словно перестала быть, разлившись в окружающем пространстве бесконечной эфирной сущностью. Не было мыслей, не было чувств, не было ничего. Хотелось остаться внутри этого пузыря спокойствия навсегда.

Но миг единения с миром уже уходил, я чувствовала. Я могу ещё долго сидеть неподвижно, обхватив колени руками, ничего не делая и ничего не желая, но то, что уходит, скоро уйдёт совсем, и назад его уже будет не вернуть.

Сae бесшумно появился из-за моей спины и сел рядом, на соседний камень, кутаясь в крылья. Ветер слегка шевелил его волосы, и я подумала, что он неспроста решил остаться рядом со мной. Несмотря на то, что совсем чужой, и даже

не человек. Несмотря на маму. Была и у него какая-то боль, схожая с моей, и унять её можно было только вместе с моей.

Если я спрошу, он ответит. Но я знала, что спрашивать не стану ни за что. Расскажет сам, если захочет. Или не расскажет.

Я уже говорила, нам с ним хорошо было молчать обо всём на свете...

– На этот раз ты так просто не отвертись, Элмер! Твоя подопытная крыска искалечила моего единственного сына, и я этого так не оставлю!

– Это случайность, которой могло бы и не быть, Денис.

– Ещё скажи, что она – несчастная жертва!

– Десима Снежина – жертва, ментальный скан подтверждает, нейросеть «Арбитраж» вынесла оправдательный вердикт.

– Ваши ментальные сканы – сказочка для натурально-рождённых лопухов!

– Хочешь оспорить вердикт?

– Нет!

– Правильно, потому что проиграешь.

– Но мой сын!

– Может быть, твой сын в другой раз будет хорошенько думать прежде, чем продолжать приставать к девуш-

ке, которая сказала ему чёткое и внятное «нет»? Знаешь, это ведь можно провести и по статье «попытка изнасилования»...

– Угрожаешь? Ты – мне – угрожаешь, Элмер Дженкинс?!

– А как ты сам думаешь?

Сае нашёл забавной новость об уходе в отставку адмирала объединённого локального флота Аркадии Дениса Кострова. По необъясняемым причинам. И по собственному желанию. Сам адмирал никак не комментировал своё решение, воспользовавшись правом на тайну личности, но Сае явно испытывал тихое счастье. Каждый раз, когда новостная лента выдавала заголовок, он улыбался. Его улыбку я бы оценила, пожалуй, как отменно кровожадную. Добра в ней не было ни на грамм. Мой гость, наверное, вот так улыбался своим врагам, когда сходил с ними в рукопашном бою не на жизнь, а на смерть...

– Что вам сделал наш адмирал? – спросила я, не выдержав загадочности момента.

– Мне – ничего, – невозмутимо ответил Сае, но снова улыбнулся.

– А почему тогда вы радуетесь?

– Вы, пожалуй, не поймёте, Десима, – ответил он, в замешательстве коснувшись лба кончиком крыла – точно так же,

как потёр бы переносицу пальцами человек. – Пока не поймёте. Но, скажем так, адмирал Костров повёл себя... эээ... не очень порядочно в одном вопросе. Я некоторым образом стал... случайным свидетелем, и был неприятно удивлён, насколько лоск цивилизации и высокая военная должность могут быть поверхностны, если настройки личности у носителя разума оставляют желать лучшего. Такое случается и у нас! Вы, Человечество, вообще очень похожи на нас. Только разве что бескрылые, ну, да это не так важно, как оказалось. В общем, адмирал Костров получил своё по праву. Ему позволили уйти с должности, не теряя лица, исключительно в память о его прошлых заслугах. Полагаю, он и вовсе покинет Аркадийскую локаль. Если уже не покинул.

Звучало не очень хорошо. Я не могла объяснить, почему мне не нравится всё это. Оно мне просто не нравилось.

– Всё равно, – сказала я наконец. – Радоваться чужим неприятностям – это как-то нехорошо.

– Не берите в голову, Десима, – мягко выговорил Сае, слегка касаясь ладонью моей руки. – Уж вам-то беспокоиться абсолютно не о чем.

Я решила ему поверить.

Хотя что-то всё равно продолжало звенеть, как натянутая струна.

ГЛАВА 8

Зима пришла после долгих дождей, которые, казалось, никогда не закончатся. Но однажды я проснулась и сразу почувствовала ту особенную мягкую тишину, какая всегда сопровождает падающий снег.

Ещё бы! Снежинки не барабанят в откосы, не льются по водостокам говорливым ручейком, не бегут по дренажным канавкам. Они просто падают, мягко, неспешно... мохнатые, крупные...

Я торопливо переоделась и выбежала из дома навстречу снежной сказке. Босиком – прямо в рыхлую, приятно щеко-чующую подошвы белизну. Слабой ветерок окатил лицо солёными запахами океана, разбавленными ванильной ноткой начавшейся зимы.

Самое замечательное время года! Осень уже ушла, но до трескучих морозов ещё далеко. Впереди – много мягких, вы-беленных до жемчужного сияния дней. Из всех красок можно выбрать только одну, чёрную. Белая уже есть – сам холст, а разная насыщенность чёрного даст все необходимые оттенки серого, от прозрачного, почти белого, до чернильно-чёрного, как сама первозданная Тьма.

– Мне на вас смотреть холодно, Десима, – сказал Сае, останавливаясь рядом.

Он заказал себе тёплую одежду, и она его ощутимо полни-

ла. А может, он просто окончательно уже поправился после болезни и вернулся в форму, как знать. Впрочем, я до сих пор не видела, как Сае летает. Может, опасается, что непривычная одежда помешает полёту, а падать с высоты всегда неприятно, с крыльями ты или без...

– Я генетически адаптирована к холодам, – ответила я. – Алополянск ведь изначально строился военными-пирокинетиками, вышедшими в отставку. А в их понимании, чем холоднее, тем лучше. На Старой Терре, где изначально жили люди с «горячей» паранормой, до сих пор ледяной век...

– Вы хотите побывать на Старой Терре, Десима? – вдруг спросил Сае.

Я задумалась.

Старая Терра. Материнская планета Человечества. Мир, полный снега, льда и солнечного света... Место, откуда родом мы все, люди.

«Горячие» ели, отдающие в морозный воздух тепло. Алые и фиолетовые шишки на седых колючих ветвях: потом они потускнеют, приобретут тёмно-коричневый оттенок и в них вызреют семена. Ледяное синее небо с просверками перистых облаков, за которыми придёт очередной буран...

Я буду там!

Я ещё не знала, как, не знала, когда, не понимала, почему. Но уже чувствовала – и у чувства была повелительная ясность предвидения – я буду там!

– Я буду там, – ответила я на вопрос Сае.

Но не стала продолжать. Почему-то я знала, что буду там одна. А где тогда будет Сае? Может быть, он не захочет посещать ледяную планету.

– А вы, Сае?

– Хотелось бы мне увидеть легенду, – задумчиво ответил он. – Я наслышан о Старой Терре.

– Вы ведь не связаны никакими обязательствами? – спросила я с надеждой. – Вы же можете отправиться отсюда куда угодно когда угодно? Так почему бы не на Старую Терру?

– Я подумаю, – уклончиво ответил Сае, и я решила оставить тему.

Он не любит холод, это уже очевидно. Начну настаивать, нехорошо выйдет. Как будто я навязываюсь. И требую. Нехорошо.

Вечером я рисовала снег, когда пришло сообщение от доктора Дженкинса. Такой особый сигнал от личного терминала, сама настраивала, чтобы не пропускать важные входящие.

«Завтра мы отправимся в обучающий центр при колледже паранормальной медицины, – гласило сообщение. – Будь готова к обеду, Десима».

Меня кинуло в жар: уже! Но...

Был ли у меня другой выбор?

Обучающий центр находился за пределами Алополянска, к северу. Там уже лежала настоящая зима, а не наш утренний снежок, стаявший к обеду. Суровое место: скалы, скалы, камни, фиорды. Из цветов – белый, серый, свинцово-серый. И внезапно глаз цепляется за ярко-оранжевую метёлку камнеломки, проросшей сквозь трещину в скале... А если приглядеться, то таких ярких пятен найдёшь вдосталь. И не только оранжевых, но ещё и синих и фиолетовых...

Камнеломка – так называемый «горячий» цветок, эндемик Старой Терры, попал к нам вместе с первыми колонистами и адаптировался. Паранорма пирокинеза не позволяет растениям выделять огонь, зато они выживают в самые лютые холода и цветут обычно в зимы. Длинные соцветия обходятся без насекомых: пыльцу прекрасно разносит ветер. Семена, снабжённые пушистым «парашютиком» тоже. Оттого и увидеть цветок можно даже в самых странных и, казалось бы, совсем не подходящих для растения местах.

– Пойдём, Дес, – мягко сказал доктор Дженкинс, беря меня под руку. – Пойдём, не отвлекайся. На обратной дороге рассмотришь.

Раньше я бы, пожалуй, поспорила. Цветок по дороге туда и цветок по дороге обратно – это разные цветы, даже объяснить не хочется, почему. Минимум – солнце сдвинется, тени лягут уже иначе.

Узкая тропа привела нас наверх, где уже стоял небольшой домик. Индивидуальные занятия по контролю над паранор-

мой всегда проводились в уединении. Чтобы посторонние не пострадали. Поэтому Центр подготовки занимал такое большое пространство на карте. Система защиты требовала простора...

Паранорма ведь может проснуться не только у генетически модифицированного человека, в заданном, заранее известном возрасте. Она иногда приходит спонтанно и сопровождается порой серьёзными разрушениями. Телепаты стараются выявлять тех, кто склонен к подобному, но успевают не всегда. Тесты проходят все дети в любом случае. В пять лет, в двенадцать и в шестнадцать. Взрослые – по желанию...

Нас встречали.

Маленькая, – меньше меня ростом! – женщина в возрасте с зелёным значком целительской паранормы на воротничке. Я напряглась, ожидая, что меня сейчас снова раздавит паникой, как всегда при любой встрече с любыми незнакомцами. Но паника не пришла, только слегка вспотели ладони.

– Десима, это доктор Хименес, целитель первой категории, – представил женщину Дженкинс. – Доктор Хименес, это – Десима Снежина, о которой я вам рассказывал...

– Рада знакомству, Десима, – сказала женщина, протягивая мне руку.

У неё оказался неожиданно сильный, низкий голос. На контрасте с хрупким телом – впечатлило.

Но руку ей в ответ протягивать я остереглась. В ней жила опасная сила. Целитель первой категории? Если бы только

это... Было что-то ещё, а что, я уловить не смогла.

– Пойдём, Десима, – доктор Хименес ничуть не обиделась на моё недоверие.

Я оглянулась на своих спутников, Сае и Дженкинса. У Сае был такой вид, словно он хотел отправиться вместе с Хименес вместо меня. Но доктор Элмер лишь кивнул:

– Иди, Дес. Не бойся. Мы подождём в другом месте, так-вы правила. Но если ты захочешь прервать занятие, просто скажи, и доктор Хименес тут же вызовет нас.

Такая от него исходила уверенность, что невозможно было не успокоиться...

Внутри оказалась просторная круглая комната с круговым панорамным окном. Силовое поле, тонкое, едва ощутимое, очень похоже на защитный барьер у нашего дома, но всё же другое. Если его убрать, зима и ветер пройдут через комнату насквозь... вот только убрать не получится иначе, чем командой через интерфейс.

– Страшно? – участливо спросила доктор Хименес, внимательно за мной наблюдая.

– А вам? – помолчав, спросила я.

Она отмахнулась – лёгкий жест, исполненный пренебрежения к любой угрозе:

– Это моя работа.

Мне стало чуточку интересно.

– Вы многим помогли, да? Таким, как я?

– Многим, но не таким, как ты, дитя. Каждый из вас –

тех, у кого паранорма выбрасывала сюрпризы, отказываясь развиваться по заложенной генетиками схеме, – уникален. Но нам – мне и моим коллегам, – удалось выстроить систему, и она заработала.

Она говорила таким голосом... и так смотрела... я не знаю... в ней жила опасная и страшная сила, мощнее моей, пожалуй... но ей внезапно захотелось вдруг поверить.

Она была почти как Сае, – здесь и сейчас. Только Сае – апарие и мужчина, а она – человек и женщина.

– Вы мне поможете, доктор Хименес?

– Всё будет зависеть только от тебя.

– Если бы всё зависело только от меня, я бы здесь не оказалась, – недовольно возразила я.

Она чуть усмехнулась – ну, правда вот, совсем как Сае, уголком рта! – и ответила:

– Ни один врач и ни один целитель не способен вывезти на своём горбу к свету того, кто не хочет спасать себя сам.

– То есть, если я сейчас скажу, что не хочу, вы меня отпустите? – уточнила я.

– Разумеется, – твёрдо заявила она, и вдруг спросила: – А ты не хочешь?

Какой вопрос хороший. Так просто на него не ответишь... Я задумалась. Хочу я или не хочу?

Мой дом, окружённый барьером, казался мне центром мира, чего там, центром всей Вселенной. Я жила, не задумываясь ни о чём. Хотела – ходила по волнам на яхте или

просто плавала. Не хотела – не ходила и не плавала. Могла забраться на вершину скалы и оттуда спрыгнуть, а могла не забираться и не прыгать. Я рисовала картины и отдавала их, а могла не рисовать и не отдавать. Готовила по утрам кофе, ждала из Простора маму, потом провожала её обратно. Общалась с теми, кого она привозила с собой в гости или не общалась с ними...

Но вот каким-то странным случаем на моём берегу оказался Сае. И я поняла, что там, за барьером, есть что-то другое. Оно пугало и манило одновременно: есть другие планетарные локалы помимо Аркадии, есть другие расы, помимо людей и гентбарцев. Есть заснеженный ледяной мир Старая Терра, колыбель Человечества. Есть воздушные города апарие...

Ах, увидеть бы! И нарисовать.

Но... как же трудно сделать первый шаг. Наверное, так же трудно, как юному апарие впервые поверить в свои крылья и шагнуть с вершины родовой башни в пропасть. Сае рассказывал, дети у них не летают, у детей и крыльев-то нет, крылья вырастают к концу второго десятка жизни и считаются признаком взрослости. Не летал ещё ни разу, значит, ребёнок.

В прежние, покрытие мраком отсутствия цивилизации времена, первый полёт страховать запрещали неукоснительно. Если ты разбился, значит, такова твоя судьба: небо не приняло тебя.

Разбиться мог кто угодно, не обязательно самый слабый.

Случалось, что и сильные-красивые, надежда и гордость семьи, заканчивали свою едва начавшуюся жизнь на камнях...

Представляете, как это их детям до сих пор страшно?! Встать на край, оттолкнуться и – в пропасть...

Некоторые так и не преодолевают барьера. Остаются вечными детьми, с ограничением в правах: нельзя вступать в брак, рожать детей, владеть имуществом, служить в армии... и много чего нельзя ещё. Правда, отменить ограничение можно в любой момент, просто прыгнув в эту чёртову пропасть. И там уже или взлетишь наконец-то или снова получишь год бескрылой жизни. Разбиться-то в любом случае не дадут. Не древние времена. Хотя, может быть, лучше бы дали умереть, чем так... Жизнь тела значит меньше, чем жизнь души. Так считают апарие, но всё же дают шанс самому последнему неудачнику всё-таки подняться.

Бывали случаи, рассказывал Сае, когда в звонкое небо взлетал в первый раз уже глубокий старик, и оставался под солнцем навсегда: не выдерживало сердце...

Вот и я сейчас на таком же краю. Или взлечу или умру, потому что я не апарие и второго шанса у меня не будет. Я не знала, откуда во мне такая уверенность, что если не сейчас, то уже никогда. Просто – знала. И оснований не верить собственному ощущению не было.

Но как же страшно! До дрожи в пальцах и темноты перед глазами. Внутри барьера, в колыбели, в детском манеже тоже ведь неплохо жить, если вдуматься.

– Я... я не знаю, – призналась я наконец.

– Честный ответ, – в глазах доктора Хименес проявилось нечто вроде уважения. – Ну, что ж, может, попробуешь узнать?

– А как? – спросила я.

– Просто. Что ты любишь делать больше всего?

– Вправду просто, – признала я. – Рисовать. Больше всего я люблю рисовать. Вот только...

– Есть проблемы? – проницательно спросила доктор Хименес.

Как объяснить ей? Про изменяющиеся рисунки, пугавшие больше всего на свете? Хуже темноты, хуже кошмарных снов, хуже любой болезни. Болела я редко, но если болела, мир вокруг качался, превращаясь в сплошной изменяющийся рисунок, и впору было сойти с ума, потому что ни остановить, ни замедлить сошедшую с ума живую картину я не могла.

– Но вы ведь знаете сами. Доктор Дженкинс вам рассказывал!

– Я хочу увидеть сама. Нарисуй что-нибудь, Десима. Пожалуйста.

Управляющая нейросеть комнаты тут же организовала столик с рисовальными принадлежностями. Обычное дело, вся мебель прячется в полу, реже – на потолке, и активируется только в момент надобности. Но я отметила, что доктор Хименес подготовилась именно к моему посещению.

Потому что краски были из тех, какими любила пользоваться именно я. Спиртовые ретро-краски, их изготавливали на фабрике специально для меня... И холст. И маркеры с карандашами...

Я подумала, что нарисую камнеломку. Это самое простое. Серую скалу, снег в расщелинах, оранжевый цветок. Как он свисает вниз на тоненьком стебельке и качает яркой метёлкой на ветру, а с длинных тычинок летит по ветру золотистая пыльца. Искорки огня в мире снега и камня... Холодный воздух, — я знаю, как рисовать холод, такие штрихи, придающие объём... и вот на холсте распахивается окно в наполненный холодным солнечным светом зимний мир...

Жаль, запахи картина передать не может. Соль океана, прелой земли, влажного камня, нежный, сладковатый аромат камнеломки...

Я начала рисовать, ощутив в пальцах знакомое жжение, как всегда, перед созданием нового образа. Я почти увидела нарисованное: серый камень, белый снег и яркое пятно цветка, свешивающегося из трещины, в которой летом застряло, а потом проросло семечко...

Но что-то пошло не так. Я сразу почувствовала это «не так», но ещё надеялась переломить в свою пользу; раньше мне это иногда удавалось. Но не сегодня. Не сейчас.

Линии не хотели складываться во внятный образ. Они вырывались из рук, покрывали холст прихотливой вязью и продолжали жить уже там. Изменяющийся рисунок, какое

несчастье! Снова. Опять.

– Довольно, – мягко сказала доктор Хименес, касаясь своей ладонью моей руки.

Я не успела отдёргнуться. Крикнуть, что это опасно, и не надо трогать. Ничего не успела. И замерла в ужасе, ожидая чего угодно, какой угодно пакости...

– Десима, – позвали меня мягко, но настойчиво. – Открой глаза. Не бойся.

Она жива, уже хорошо. Можно разжать сомкнутые в спазме веки. Не сразу, но у меня это получилось.

Холст сиял девственной белизной. Я даже рот приоткрыла: как это? Как это так?! Я же сама рисовала, я видела это! Сломанный в момент напряжения маркер источал запах чернил. Оранжевых, я запомнила цвет. Яркое пятно оставляло на сетчатке след, как от полыхнувшей молнии.

– Пойдём, присядем, – предложила доктор Хименес. – Я объясню тебе, что случилось. Будешь слушать?

Я кивнула. Страх не отпускал меня. Блузка липла к телу, ладони вспотели. Но я позволила отвести себя на мягкий диванчик и усадить.

– То, что ты сейчас показала, – неторопливо начала разговор доктор Хименес, – это паранормальный скан, обычный для нас. Но исполненный на двоечку. Даже на единичку с плюсом. Своих студентов за такое я никогда не хвалила и отправляла на дополнительную подготовку.

– Но он же менялся!

– Скан? Конечно. В динамике они все меняются, рутинная работа, в общем-то. Твоя паранорма и моя – они из одного спектра. Умение видеть так называемые ауры – часть паранормального зрения, присущего нам обоим. Только я прошла обучение, а ты нет. Поэтому переход на такое зрение тебя пугает.

– Не может быть, чтобы всё было так просто, – решительно заявила я. – Мне бы объяснили давным-давно!

– Тебе объясняли, – скупой улыбнулась целительница. – Просто ты *не видела* объясняющих. Поэтому объяснение в одно ухо влетело, а в другое вылетело, совершенно не задев сознание. Бывает.

– А вас, получается, я вижу? – помолчав, спросила я.

– Меня ты *видишь*. Рискну предположить, что ты даже восприняла мою фамилию и её запомнила.

– Доктор... Хименес?

– Именно.

Я стиснула руки. Мне отчаянно хотелось убежать и спрятаться, но я знала, что никуда не побегу и нигде не буду прятаться. Как я в глаза Сае посмотрю после этого? Он в меня поверил. И доктор Дженкинс поверил.

– Если это простой целительский паранормальный скан, то почему он тогда так опасен? – спросила я напряжённо. – И почему с вами ничего не случилось?

ГЛАВА 9

– На самом деле, случилось, – ответила доктор Хименес, – но я была готова к такому повороту, и мне удалось защититься. Ты очень сильна, Десима. Твой потенциал невообразимо велик. А опасна ты не тем, что можешь снять скан с любого человека, находящегося рядом в момент выплеска твоей паранормы. Паранормальное зрение, в конце концов, доставляет неудобства только тебе самой. Опасность здесь в том, что ты начинаешь *вмешиваться*. Корректировать. У нас к паранормальным коррекциям допускают только после серьёзного обучения и исключительно под надзором старшего, опытного врача. У тебя это получается спонтанно, ты не умеешь себя контролировать, и можешь причинить серьёзный вред. А я могу тебя научить, как держать себя в руках.

Я молчала. Так просто, так легко... Позвать целителя. Который научит меня держать в узде меняющиеся рисунки, мой самый ужасный страх, из-за которого я и жила всю жизнь под барьером. Ведь это не меня закрывали в непроницаемой клетке. А других, *от* меня...

– Почему? – спросила я. – Почему меня не научили раньше?!

Скольких проблем можно было избежать! Сколько всего случилось бы иначе, чем оно случилось в реальности!

– По множеству причин, – невозмутимо ответила доктор

Хименес. — Одна из них — целители видели, что твой случай для них безнадежен. У нас в практике есть такое определение, безнадежный случай. Это безоговорочное основание для отказа в лечении, потому что врач не просто рискует своей жизнью, он гарантированно с нею расстанется, если возьмётся работать с таким пациентом. Накопленная за несколько сотен веков развития целительской паранормы обширная статистика чётко показывает, что исключений практически нет. Жизнь генномодифицированного специалиста, прошедшего сложное обучение, намного дороже, как бы цинично это ни звучало.

— А для вас я не безнадежна? — спросила я.

Не хотелось бы мне, чтобы доктор Хименес расставалась с жизнью ради меня. Как-то это прозвучало совсем не хорошо, и если она взялась, зная, каким будет итог для неё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.